

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ИВАН
ЕФРЕМОВ

Час Быка

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е92

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета и использована иллюстрация:

© intueri / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ефремов, Иван Антонович.

Е92 Час Быка / Иван Ефремов. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

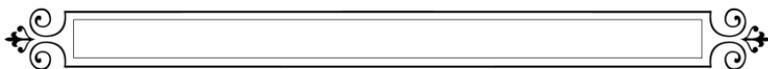
ISBN 978-5-04-160931-3

Социально-философский роман «Час Быка» — самое значительное произведение писателя, ставшее потрясением для поклонников его творчества. Этот роман — своеобразная антиутопия, предупреждающая мир об опасностях, таящихся в стремительном прогрессе бездуховной цивилизации. Обесчеловеченный разум рождает чудовищ — так возникает мир инферно — непрерывного и бесконечного, безысходного страдания. В советское время эта книга была изъята из магазинов и библиотек практически сразу после своего выхода в свет. О ней молчали критики, а после смерти автора у него на квартире был произведен обыск с целью найти доказательства связи Ивана Ефремова с тайным антисоветским обществом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160931-3

© И.А. Ефремов, наследники, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Экипаж звездолета «Темное пламя»

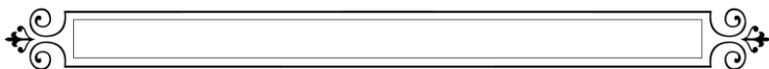
Начальник экспедиции, историк *Фай Родис*
Командир звездолета, инженер аннигиляционных установок *Гриф Рифт*
Астронавигатор-I *Вир Норин*
Астронавигатор-II *Мента Кор*
Инженер-пилот *Див Симбел*
Инженер броневой защиты *Гэн Атал*
Инженер биологической защиты *Нея Холли*
Инженер вычислительных установок *Соль Саин*
Инженер связи и съемки *Олла Дез*
Врач Звездного Флота *Эвиза Танет*
Биолог *Тивиса Хенако*
Социолог-лингвист *Чеди Даан*
Астрофизик и планетолог *Тор Лик*

Персонажи планеты Торманс

Председатель Совета Четырех, Владыка планеты *Чойо Чагас*
Его заместители: *Ген Ши*
Зет Уг
Ка Луф
Жена Чойо Чагаса *Янтре Яхах*
Любовница Чагаса *Эр Во-Биа*
Инженер информации *Хонтээло Толло Фразль (Таэль)*
Начальник «лиловых» *Ян Гао-Юар (Янгар)*
Девушка Торманса *Сю Ан-Те (Сю-Те)*
Предводитель «кжи» *Гзер Бу-Ям*

«Ди пхи юй чхоу — Земля рождена в час Быка
(иначе Демона, два часа ночи)».

*Старый китайско-русский словарь
епископа Иннокентия.
Пекин, 1909*

ПРОЛОГ

В школе третьего цикла начался последний год обучения. В конце его ученики под руководством уже избранных менторов должны были приступить к исполнению подвигов Геркулеса. Готовя себя к самостоятельным действиям, девушки и юноши с особым интересом проходили обзор истории человечества Земли. Самым важным считалось изучение идейных ошибок и неверного направления социальной организации на тех ступенях развития общества, когда наука дала возможность управлять судьбой народов и стран сперва лишь в малой степени, а затем полностью. История людей Земли сравнивалась со множеством других цивилизаций на далеких мирах Великого Кольца.

Голубые рамы с опалесцирующими стеклами вверху были открыты. За ними чуть слышался плеск волн и шелест ветра в листве — вечная музыка природы, настраивающая на спокойное размышление. Тишина в классе, задумчивые ясные глаза... Учитель только что закончил свою лекцию.

Бесшумно опустив шторы над большими экранами и нажатием кнопки заставив убраться под кафедру стереопроектор ТВФ¹, он уселся, любуясь сосредоточенными лицами. По-видимому, лекция удалась, как ни было трудно совместить малое и великое, могучий взлет человечества и бездну горя прошедших времен, трогательные недолгие радости отдельных людей и грозные крушения государств.

¹ Многие термины перенесены из романа И. Ефремова «Туманность Андромеды».

Учитель знал — после молчания последуют вопросы, тем более пытливые, чем сильнее задела молодых людей обрисованная им историческая картина. И, ожидая их, он старался угадать, что больше всего заинтересовало учеников сегодня, что могло остаться непонятным... Пожалуй, психология людей в трудные эпохи перехода от низших общественных форм к высшим, когда вера в благородство и честность человека, в его светлое будущее разьедалась нагромождением лжи, бессмысленной жестокости и страха. Сомнения обезоруживали борцов за преобразование мира или делали людей равнодушными ко всему, ленивыми циниками. Как понять чудовищные массовые психозы в конце ЭРМ — Эры Разобщенного Мира, приводившие к уничтожению культуры и избивению лучших? Молодые люди ЭВР — Эры Встретившихся Рук — безмерно далеки от всего, что связано с истерически напряженной нервозностью и страхами прошлых времен...

Мысли учителя прервались, когда из-за столиков в разных рядах одновременно поднялись девушка и юноша, похожие друг на друга манерой широко открывать глаза, что придавало обоим удивленный вид. Они переглянулись, и юноша поднял руку, обращенную ладонью вверх, — жест вопроса.

— Правильно ли сказать, что весь исторический опыт утверждает неизбежную победу высших форм над низшими как в развитии природы, так и в смене? — начал юноша.

— Правильно, Ларк, если исключить особенные стечения обстоятельств, которые очень редки, как все то, что выходит из границ великого диалектического процесса усреднения, — ответил учитель.

— Например, случай с Зирдой, чьи мертвые развалины поросли черными маками? — спросила Пуна, вытягиваясь во весь невысокий рост.

— Или другие, открытые позже планеты, — добавил учитель, — где есть все для жизни: голубой свод могучей атмосферы, прозрачное море и чистые реки, теплое

светило. Но ветры переважают мертвые пески, и их шум вместе с шумом моря или грозы — единственные звуки, нарушающие безмолвие громадных пустынь. Мыслящая жизнь в диком заблуждении убила себя и все живое, едва прикоснувшись к мощи атома и космоса.

— Но мы уже заселили их?

— О да! Но какое значение это имеет для тех, чьи следы развеялись пылью миллионы лет назад, не сохранив ничего, чтоб мы смогли понять, как и зачем они уничтожили себя и всю жизнь своей планеты!

В проход между столиками скользнула Айода — молчаливая и пламенная, по общему мнению класса похожая на древних девушек Южной Азии, носивших в прическах или за поясами острейшие кинжалы и смело пользовавшихся ими для защиты своей чести.

— Я только что читала о мертвых цивилизациях нашей Галактики, — сказала она низким голосом, — не убитых, не самоуничтожившихся, а именно мертвых. Если сохранилось наследие их мыслей и дел, то иногда это опасный яд, могущий отравить еще незрелое общество, слепо воспринявшее мнимую мудрость. Иногда же — драгоценный опыт миллионов лет борьбы за освобождение из пут природы. Исследование погибших цивилизаций столь же опасно, как разборка древних складов оружия, временами попадающихся на нашей планете. Мне хотелось бы посвятить свою жизнь таким исследованиям, — тихо добавила девушка.

— Кажется, мы отклоняемся в сторону от того, с чего начал Ларк, — сказал учитель.

— Пуна спросила неточно, — поднялся плотный черноволосый юноша. Он оглянулся на товарищей, большинство которых подняли руки, едва не подсакивая от нетерпения.

— Следует ли понимать так, что начавшееся развитие общества — обязательно или переход в высшую, коммунистическую форму, или всеобщая гибель? И ничего другого? — продолжал он.

— Формулировка неверна, Кими, — возразил учитель. — Нельзя приравнивать процесс общественного развития к двум чашам весов. Среди знакомых нам по Кольцу цивилизаций известны случаи быстрого и легкого перехода к высшему, коммунистическому обществу. Мы только что говорили о самоуничтожении разобщенного мира, достигшего больших научных и технических познаний. Бывали периоды долгого смятения, убийственных войн, отбрасывавших человечество некоторых планет назад, в нищету и одичание. Начиналось новое восхождение, новая война — и так несколько раз, пока производительные силы планеты не истощались и технически не деградировали. Эту деградацию потомкам приходилось исправлять веками, несмотря на беспредельное могущество высшей общественной формы и помощь разума Великого Кольца.

— Но и тут приход этой формы коммунистического общества был неизбежен?

— Разумеется!

— Тогда я неправильно поставил вопрос, — после некоторого раздумья сказал Кими. — Известны ли случаи, когда человечество на какой-нибудь другой планете достигало высокого уровня науки, техники, производительных сил, но не становилось коммунистическим и не погибало от страшных сил преждевременного познания? Много ли таких исключений из общего закона развития, который, если он общий, должен их иметь?

Учитель с минуту думал, опустив глаза на полупрозрачный зеленый пульт кафедры, под которым во время лекции загорались нужные справки и цифровые данные.

Удивительная история планеты Торманс была сенсацией в памяти старшего поколения. Конечно, о ней знали и его юные ученики. Немало книг, фильмов, песен и поэм вызвала к жизни эпопея звездолета «Темное Пламя». Тринадцать ее героев увековечены группой из сияющего красноватого камня на маленьком плоскогорье Реват, на том самом месте, откуда начал свой путь звездолет.

Аудитория молчаливо ждала. Ученики старших классов были достаточно тренированы в выдержке и самообладании. Без воспитания этих необходимых свойств человек не мог ни выполнить подвигов Геркулеса, ни даже приступить к ним.

— Вы имели в виду планету Горманс? — наконец заговорил учитель.

— Мы знаем только ее! — хором ответили ученики. — А сколько было других, ей подобных?

— Не могу сказать без детальных справок, — учитель улыбнулся чуть беспомощно, — я историк Земли и знаю о цивилизациях других планет лишь в общих чертах. Надо ли напоминать вам, что для раскрытия сложнейшего процесса истории иных миров нужно очень глубокое проникновение в суть чуждых нам экономики и социальной психологии.

— Даже для того, чтобы понять, хороша или плоха цивилизация, несет она радость или горе, расцвет или гибель! — откликнулся сидевший у окна мальчик, выделявшийся среди других серьезностью.

— Даже для того, Миран, — подтвердил учитель. — Иначе мы не будем отличаться от наших предков, скорых в действии и незрелых в суждениях. Я сказал вам о погибших от неразумия планетах, но ведь были и другие миры, где никто никого не убивал, и тем не менее разумная жизнь на них кончилась, как говорили в старину, «естественным» путем. Мыслящий вид жизни на этих планетах вымер, как вымирают неизбежно все сменяющие друг друга виды животных и человек тоже, если он пренебрежет познанием биологических явлений в их историческом развитии. Эти планеты, устроенные и прекрасные, были переданы вымиравшими их обитателями другим, для которых наиболее подходила совокупность их естественных условий. Все данные передавались по Великому Кольцу, а заселение происходило после того, как уходили последние представители погибающей цивилизации и по Кольцу проносился сигнал смерти.

— Вроде Рыцарей Счастья, — сказала застенчивая Кунти, — но ведь мы плохо знаем даже о Тормансе. Конечно, каждый читал, но сейчас, когда мы изучили нашу историю, мы правильной пойдем Торманс.

— Тем более что планета населена нашими же людьми, потомками землян, и все процессы ее развития аналогичны нашим, — согласился учитель. — Это хорошая идея. Я попрошу из Дома Истории «звездочку» памятной машины с полным рассказом об экспедиции на Торманс. Для ее просмотра нам надо подготовиться. Договоритесь с распределительным бюро об освобождении от других лекций. Пусть кто-нибудь из вас, увлекшийся космофизикой, хотя бы Кими, приготовит на завтра реферат о первых звездолетах прямого луча, чтобы вы поняли обстановку и труды экипажа «Темного Пламени». Затем мы поедем на плоскогорье Реват, к памятнику, воздвигнутому экспедиции. Тогда «звездочка» даст вам полное понимание всего происшедшего...

Спустя два дня последний класс школы СП ШЦ-401 весело рассаживался под прозрачным куполом гигантского вагона Спиральной Дороги. Едва поезд набрал скорость, в центральном проходе появился Кими и объявил, что он готов читать реферат. Послышались энергичные протесты. Ученики доказывали, что не хватит внимания — слишком интересно смотреть по сторонам. Учитель примирил всех советом прослушать реферат в середине пути, когда поезд будет пересекать фруктовый пояс шириной около четырехсот километров, — это два часа хода.

Когда потянулись бесконечные, геометрически правильные ряды деревьев на месте бывшей пустынной степи Декана, Кими установил в проходе маленький проектор и направил на стенку салона цветные лучи иллюстраций.

Юноша говорил об открытии спирального устройства вселенной, после которого смогли разрешить задачу сверхдальних межзвездных перелетов. О биполярном строении мира математики знали еще в ЭРМ, но физики

того времени запутали вопрос наивным представлением об антивеществе.

— Подумайте только! — воскликнул Кими. — Они считали, что перемена поверхностного заряда частицы изменяет все свойства материи и превращает «нормальное» вещество нашего мира в антивещество, столкновение с которым якобы должно вызвать полную аннигиляцию материи! Они вглядывались в черноту ночного неба, не умея ни объяснить ее, ни понять того, что подлинный антимир тут же, рядом, черный, беспросветный, не осязаемый для приборов, настроенных на проявление нашего, светлого мира...

— Не горячись, Кими, — остановил юнца учитель, — ты совершаешь ошибку, судя плохо о предках. Как раз в конце ЭРМ, в эпоху отмирания старых принципов социальной жизни, наука становилась ведущей силой общества. Тогда были распространены подобные узкие и, я бы сказал, несправедливые суждения о предшественниках. Разве трудно понять, что неверный или неточный аспект явления будет ошибкой лишь в результате недобросовестного или глупо ориентированного исследования? Все же остальные «ошибки» предшественников зависят от общего уровня, на котором находилась в их время наука. Попробуйте на миг представить, что, открывая сотни элементарных частиц в микромире, они не знали еще, что все это лишь разные аспекты движения на разных уровнях анизотропной структуры пространства и времени.

— Неужели? — Кими покраснел до ушей. Учитель кивнул, и смущенный юноша продолжал, но уже с меньшим азартом:

— Антимир, черный мир, был назван учеными Тамасом, по имени океана бездеятельной энергии в древнеиндийской философии. Он во всех отношениях полярен нашему миру и поэтому абсолютно не воспринимаем нашими чувствами. Только недавно специальными приборами, как бы «вывернутыми» по отношению к приборам нашего мира, условно названного миром Шакти, начали

нащупывать внешние контуры Тамаса. Мы не знаем, есть ли в Тамасе аналогичные нам формации звезд и планет, хотя, по законам диалектической философии, движение материи должно быть и там.

— Трудно представить, но как интересно звучит — «невидимое солнце Тамаса»! — воскликнул Рэр.

— И планета-невидимка, населенная такими же пытающимися проникнуть в бездну нашего мира существами, как мы! — прозвенел из заднего ряда голос Иветты.

— И целые звездные системы, галактики с минус-гравитацией, отрицательными свойствами полей там, где они у нас положительные, мертвой недвижимостью, где у нас движение. И все вообще наоборот! — подхватила Айода, облокотившаяся на мягкий выступ бортового окна.

— Кстати, о галактиках. Их классические спиральные формы были известны уже первым изобретателям телескопов, — продолжал Кими, — но потребовалось несколько столетий, чтобы понять в них реальное отражение структуры вселенной — волокон, или, вернее, пластов, нашего мира, переслоенного с Тамасом и вместе с ним закрученного в бесконечную спираль. И отдельные элементы, от галактик до атомов, в каждой ступени со своими особыми качествами всеобщих законов. Оказалось, что свет и другие излучения никогда не распространяются во вселенной прямолинейно, а навиваются на спираль, одновременно скользя по геликоиде и все более разворачиваясь по мере удаления от наблюдателя. Получили объяснение сжатие и растягивание световых волн с укорочением их по мере вхождения в глубь спирали и кажущееся разбегание звезд и галактик в дальних витках. Разгадали Лоренцево уравнение с его кажущимся исчезновением времени и возрастанием массы при скорости света. Еще шаг — и было понято нуль-пространство, как граница между миром и антимиром, между миром Шакти и Тамасом, где взаимно уравновешены и нейтрализованы полярные точки пространства, времени и энергии. Нуль-пространство тоже скручено в спираль соответственно обоим мирам,

но... — Юноша запнулся. — Я еще не смог сообразить, как возникает возможность передвигаться в нем, почти мгновенно достигая любой точки нашей вселенной. Мне объяснили это приближенно, что звездолет прямого луча идет не по спиральному ходу света, а как бы поперек него, по продольной оси улитки, используя анизотропию пространства. Кроме того, звездолет в отношении времени как бы стоит на месте, а вся спираль мира вращается вокруг него... — Кими, краснея, беспомощно помотал головой под смех своих товарищей.

— Напрасно вы так отблагодарили Кими, — недовольно поднял руку учитель, — в новой картине вселенной еще многое доступно лишь математическому «ощупыванию» отдельных явлений. Вы забыли, что наука движется во тьме неизвестных глубин мира подобно слепцу с протянутыми руками, осязая неясные контуры. И лишь после громадного труда создаются аппараты исследования, могущие осветить неизвестное и приобщить его к познанному. — Учитель оглядел притихших учеников и закончил: — Кими не сказал еще об одном, важном. Давно были угаданы области отрицательной гравитации в космосе, но лишь три века назад они получили свое объяснение, как провалы из нашего мира в Тамас или в нуль-пространство. Иногда в них бесследно исчезали звездолеты иных цивилизаций, не приспособленные для движения в нулевом пространстве. Еще большей опасности подвергается звездолет прямого луча. При малейшей ошибке в уравнивании полей он рискует соскользнуть или в наше пространство Шакти, или в пространство Тамаса. Из Тамаса вернуться невозможно. Мы просто не знаем, что делается там с нашими предметами. Происходит ли мгновенная аннигиляция, или же все активные процессы так же мгновенно замирают, превращая, например, звездолет в глыбу абсолютно мертвого вещества (это новое понятие вещества тоже явилось следствием открытия Тамаса). Теперь вы можете представить себе опасность, какой подвергались первые ЗПЛ — Звездолет

леты Прямого Луча, — и среди них «Темное Пламя». Но люди шли на этот чудовищный риск. Возможность мгновенно проникнуть в нужную точку пространства стоила любого риска. А ведь совсем недавно овладение бесконечностью космоса казалось абсолютно невозможным, не было видно никаких путей к разрешению этого проклятия всех времен и всех цивилизаций космоса, соединенных в Великом Кольце, но видевших друг друга только на Экранах Внешних Станций. Триста лет прошло, как человечество вступило в ЭВР — новую Эру. Осуществилась смелая мечта людей, и дальние миры находятся от нас на расстоянии протянутой руки — по времени. Конечно, практически передвижение ЗПЛ не мгновенно. Необходимо время на удаление в нуль-пространство, время на очень сложный расчет точки выхода и дотягивание звездолета из приближенной точки до цели на обычных анамезонных моторах и субсветовой скорости. Но что такое два-три месяца этой работы по сравнению с миллионами световых лет расстояний обычного спирально-светового пути в нашем пространстве! Даже прирост скорости от черепахи до обычного звездолета ничто по сравнению с ЗПЛ.

Как будто иллюстрируя слова учителя, поезд нырнул в длинный туннель. Опаловый свет зажегся в вагоне, отменя непроглядную тьму за окнами. Внезапно вспыхнула и раскрылась необъятная равнина, поросшая серебристой травой. Широко закрутились, разбегаясь в стороны, вихри, поднятые стремительным бегом вагонов. Ярко-синяя полоса вдаль обозначила ступенчатые древние горы, среди которых в направлении Индийского океана находилось плоскогорье Реват. Оно было близко от станции, и, чтобы достичь его, юным путешественникам не требовалось ничего, кроме собственных, достаточно тренированных в ходьбе и беге ног.

Далекий берег угадывался лишь по оттенкам неба и опускавшегося к закату солнца. Трава хлестала по голым ногам путников, вызывая обжигающий зуд, ветер обвевал

их спины сухим жаром. Восходящие токи воздуха мерцающей стеной окружили кольцевую гряду плоских холмов. Взобравшись на перевальную точку, молодые люди замерли. Неожиданная роща громадных секвой скрывала центр плоскогорья. Тридцать четыре широкие дорожки — по числу главных векторов Великого Кольца — разбегались из рощи к склонам окружающих холмов из коричневого базальта, отвесно срезанных и покрытых какими-то барельефами. Ученики не стали рассматривать их, устремляясь по белому камню главной дороги к роще. Только две круглые колонны черного гранита отмечали вход. Под протянутыми в огромной высоте ветвями секвой ослабло слепящее солнце и утих шелест ветра. Суровая мощь высоченных стволов заставила умерить шаги и понизить голоса, как будто ученики проникли в отдаленное от всего мира убежище тайны. Они переглядывались с волнением и любопытством, ожидая чего-то необыкновенного. Но когда они вышли на центральную поляну, под прежнюю неумолимую яркость неба, памятник звездолету «Темное Пламя» показался им слишком простым.

Модель корабля — полусферический купол из темно-зеленого металла — рассекалась грубой прямой расщелиной, точно разрубленная колоссальным мечом. Вокруг основания под кольцевым выступом располагались изваяния людей. Площадка — подножие памятника — состояла из туго скрученной спирали светлого, зеркально полированного металла, врезанного в черный матовый камень.

Число скульптур на каждом полукружии разруба оказалось неодинаковым: пять — с западной, восемь — с восточной. Ученики быстро разгадали несложную символику.

— Это смерть, разделившая погибших на планете Торманс и тех, кто вернулся на Землю, — тихо сказала Айода, слегка побледнев от охватившего ее чувства.

Учитель молча наклонил голову.

— А те, кто вернулись?

— Вернувшиеся жили недолго от сверхнапряжения пути и страшных испытаний.

В этот момент Ларк, приблизившийся к западному полукругую скульптур, поднял перед собой скрещенные ладони — жест призыва к молчанию. Остальные медленно подошли. Учитель остался позади, глядя на купол звездолета, вздымавшийся из длинной тени роши и похожий на сверкающее темное зеркало. Рядом с разрубом, несколько отдаленная от других, стояла в спокойной подтянутой позе женщина с книгой в руках. Легкие складки костюма с короткой юбкой облегли ее тело. Только толстый сигнальный браслет астронавта выше локтя левой руки выдавал ее отношение к сверхдальней космической экспедиции. Она смотрела поверх книги, крупные пряди густых волос спадали на нахмуренный в усилии мысли лоб. Та же напряженная дума отражалась в скорбном изгибе полных губ и черточках вокруг глаз...

— Сама Фай Родис, командир экспедиции, — шепнула Пуна, первой подошедшая к статуям. В молчании паятника шаги по гладкому металлу казались вызывающе громкими, и ребята сбросили обувь.

Еще одна женщина стояла боком, выставив вперед левое плечо и погрузив руку в пышную гриву волос жестом не то отвращения, не то тревоги. Ее лицо, правильно-овальное, с явно монгольскими чертами, было обращено на зрителей. В раскосых глазах таилось сильнейшее нервное напряжение. Казалось, что Тивиса Хенако, биолог экспедиции, вот-вот крикнет: «Смотрите, как это плохо!»

И в противоположность тревоге биолога, рядом с ней, астрофизик звездолета Тор Лик свободно и спокойно облокотился на раму люка, а правую руку жестом успокоения и защиты положил на плечо Тивисы. Он стоял, беспечно скрестив ноги, и от всей его фигуры исходила не физическая, для этого он был слишком молод и тонок, а нервная сила. Отвернувшись от астрофизика и склонив крупную голову, первый астронавигатор Вир Норин простер правую руку перед грудью последнего из пятерки — инженера броневой защиты Гэн Агала.

Инженер высоко занес обе руки, держащие рукоять какого-то примитивного оружия. Его длинное лицо с узкими, близко посаженными глазами было грозно. Гэн Атал предстал перед памятью Земли как воин в усиллии битвы со злобным врагом.

Статуи навсегда оставшихся на безмерно далекой планете и отдавших свои жизни неведомым людям Торманса резко освещались лучами заходящего солнца, пробивавшимися через вершины секвой. Скульптуры восьми вернувшихся оказались в сумеречной тени, точно подернутые покровом печали.

Почти на линии разруба, совсем близко от пяти погибших и несколько отступая от всех остальных, стояли, крепко обнявшись, две женщины. Одна, в полном расцвете сил, одетая в обтягивающую тонкую блузку с открытыми плечами и обычные брюки астронавта. Она смотрела искоса из-под опущенных ресниц, горькая улыбка трогала короткую верхнюю губу. К ней прижалась невысокая девушка в полном костюме звездолетчицы, то есть легкой куртке со стоячим воротником и свободных брюках. Она вся напряглась в полуобороте, как бы сдерживая прорывающиеся чувства, и, упираясь бедром в часть какого-то прибора, смотрела на зрителей с гневом, горем и редкой на Земле жалостью, в упрямом волевом усиллии сжав твердо очерченный крупноватый рот. «Врач Звездного Флота Эвиза Танет и антрополог-лингвист Чеди Даан», — прочитали ученики на постаменте, медленно передвигаясь к следующей скульптуре. Командир и самый ответственный специалист корабля — инженер аннигиляционных установок Гриф Рифт был изображен в кресле пилота, с руками, лежащими на условно намеченном пульте. Он повернул высоколобое, полное суровой решимости лицо, исчерченное морщинами раздумья и воли, от приборов к другим статуям, как если бы он внезапно собрался сказать своим товарищам нечто очень важное. И не только важное — недобрая весть была ясно выражена художником в лице инженера.

Рядом, тоже сидящий в кресле, выставив вперед руку с браслетом астронавта, инженер пилотных устройств Див Симбел нагнулся, не сводя глаз с Гриф Рифта. Он был изваян в профиль, боком к зрителю. Массивная голова с крепко сжатыми челюстями в противоположность остальным, очень живым скульптурам, казалась каменно неподвижной на склоненной могучей шее. Правая рука сжимала рукоять прибора — Див Симбел ждал сигнала.

Три женские статуи на конце полукружия передавали совершенно иное настроение.

Второй астронавигатор Мента Кор сидела, уютно свернувшись, поджав под себя ноги, в углу чего-то вроде глубокого дивана. Ее широко открытые глаза под низкими бровями были устремлены вдаль над лентой вычислительной машины. Она держала ленту обеими руками почти вплотную к губам полуоткрытого в задумчивости рта. Тонкое мастерство сумело выразить торжествующую уверенность. Очевидно, астронавигатору удалось разрешить что-то очень трудное.

Нея Холли — инженер биозащиты, такая же юная, как Чеди Даан, присела на краешек выступа, нагнувшись вперед и опираясь заложенными назад руками на короткие рычаги. Резко повернув голову влево, она смотрела как бы на внезапно появившегося врага. Суровая смелость выражалась во всей ее гибкой фигуре, одетой в блузу с засученными рукавами, расстегнутую на груди. Ноги, обнаженные по всей длине, были перекрещены в явном усилии, и левая, закинута выше правой, упиралась в педаль. Небрежные пряди волос спадали на правое плечо, щеку и частично прикрывали лоб.

— Она мне нравится больше всех, — шепнул Ларк стоявшей рядом подруге. Та промолчала, отрицательно качнув головой, и показала на третью звездолетчицу. Почти обнаженная, с вызывающим сознанием особенной силы своего тела, она выпрямилась с высоко поднятой грудью, обхватив ладонями немислимо тонкую талию и опустив глаза. Старинная короткая прическа обрамляла ее сужи-

вавшееся к заостренному подбородку лицо. Всезнающая, неласковая усмешка играла на ее губах с ямочками в углах рта. Одно плечо прикрывали тонкие складки высеченного из черного камня шарфа, перекинутого из-под руки за спину. Может быть, скульптор был влюблен в этот образ, во всяком случае, Олла Дез, инженер связи и съемки, воплотилась в поразительно живую статую, полную чувства и женственности.

Но помещенный за Оллой на конце полукружия последний член экипажа звездолета Соль Саин не смотрел на нее. Высунувшись из-за пульта машины, инженер-вычислитель сощурился в нежной усмешке, избородившей лукавыми морщинками его худое лицо. Казалось, он старался заглянуть на ту сторону памятника, где стояла самая близкая и любимая, теперь навсегда скрытая от него.

Солнце окончательно село, купол погас, и тропическая ночь подкралась внезапно. Но тотчас же, подчиняясь присутствию посетителей, автоматически вспыхнули лампы оранжевого света, скрытые в кольцевом козырьке над статуями. В искусно перекрещенных лучах изваяния сделались еще живее, в то время как все кругом исчезло в непроглядном мраке. Ученики затаили дыхание — они словно остались наедине с героями «Темного Пламени». Несколько минут ожидания, и звездолетчики вздохнут, улыбнутся и протянут руки своим потомкам. Но время шло, и застывшая неподвижность фигур тяготила все больше. Может быть, впервые чувство неизбежности смерти, невозвратной утраты проникло глубоко в сознание молодых людей.

Кто-то шумно вздохнул. Кими потер виски, решительно шагнул к статуе Фай Родис и склонился перед ней жестом прощания, едва не наткнувшись на угол каменной книги, которую она держала перед собой. Его товарищи разбрелись, останавливаясь в задумчивости перед наиболее понравившимися изваяниями. Другие, отойдя подальше, рассматривали скульптурную группу целиком. Большинство учеников задержалось перед западной груп-

пой. Эти люди так и не вернулись на милую Землю, не прикоснулись снова к ее целительной природе, не увидели в предсмертные часы ни единого человека родной планеты. Мир Торманса, находившийся на не доступном ничему, кроме ЗПЛ, расстоянии, казался еще безнадежнее, опаснее и тоскливее, чем мертвые планеты, обнаруженные у близких солнц, или миры непонятной жизни на экранах Великого Кольца.

Молодые люди прониклись настроением тех времен, когда отправление первого ЗПЛ было подобно нырку в неведомую бездну. Они забыли про то, что жертва Земли на Тормансе не была напрасной, и стояли перед памятником, как провожавшие «Темное Пламя» более века назад в его никем еще не пройденный путь, полные смутной тревоги и вполне реального сознания великой опасности экспедиции.

Учитель добился своего — ученики подготовились к просмотру «звездочки» Дома Истории, стереофильма с описанием экспедиции, большей частью снятого на натуре. Другие события были восстановлены по записи памятных приборов и рассказам вернувшихся членов экспедиции. Молодым людям пришлось напомнить о необходимости возвращения. Несколько человек предложили переночевать на месте, но большинство приняли совет учителя — возвратиться ночным поездом, чтобы завтра же просмотреть «звездочку», которая потребует дня с перерывом на отдых.

Неохотно, часто оглядываясь, ученики собрались и пошли по дороге сквозь рошу. Едва последний человек сошел с площадки подножия, как освещение памятника погасло. Модель звездолета и статуи его команды исчезли во мраке, будто провалились в черную бездну антимира Тамаса. Слабым фосфорическим сиянием засветились края дороги. Путники могли уверенно идти и в непроглядной тьме роши, и под звездным небом через перевал круга холмов.

В сосредоточенном молчании они пришли к станции. Привычная обстановка Спиральной Дороги, свет и множество людей ослабили впечатление, и молодежь принялась возбужденно обсуждать увиденное. Вопрос: кто кому больше понравился — горячо дебатировался, пока не пришел поезд и усталые путешественники не прилегли на мягких сиденьях.

— А все-таки те пять, что погибли, лучше вернувшихся, и это не случайно! — твердил Кими, устраиваясь поудобнее.

— Вовсе нет! — возразила свернувшаяся калачиком Пуна. — Мне Гриф Рифт показался самым глубоким, твердым и умным!

— Зачем тогда он остался в корабле?

— Кто же, кроме него, мог справиться с аннигиляцией? Неужели ты не понял, что «Темное Пламя» погиб бы на Тормансе или в пути и мы никогда ничего не узнали бы!

— Это так! И все же...

— И все же я хочу спать и не спорить с тобой. Тем более что все по-разному отнеслись к людям экспедиции. Дальве в восторге от боевого Гэн Атала и Ней Холли, а ты не сводил глаз с Фай Родис и Див Симбела.

— Увидим, кто лучше! — возразили с другого ряда кресел. — Завтра, после «звездочки».

— Увидим! — сонно пробормотала Пуна, но неугомонный Кими подошел к учителю, устроившемуся в заднем конце салона. Юноша жестом спросил разрешения и получил утвердительный наклон головы.

— Вы, с опытом жизни и углубленным пониманием, — сказал Кими, — кого из них вы избрали бы своим другом?

— Ты думаешь о товарищах в подвигах или же менторе?

Кими покраснел и опустил глаза.

— Понимаю. Но в выборе подруги не может быть подражания, и я тебе не пример.

— Нет, конечно. Но я хотел узнать... думая о верности суждения и вкуса. Мы все так разошлись...

— И хорошо. Независимость суждения мы, учителя, стараемся воспитать в вас с первых шагов в жизни. Потом, после определенной суммы знаний, возникает общность понимания.

— И вы?..

— Я, если бы мог выбирать, выбрал бы Фай Родис.

— О, да! И я...

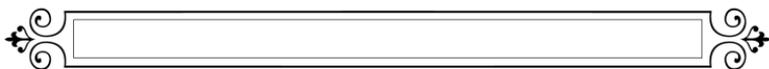
— Или Оллу Дез!

— Почему же? — недоуменно воскликнул юноша. — Они такие разные, совсем не похожие.

— В этом и дело. Видишь, я предупредил тебя. Пора спать, и мы не будем начинать сложного разговора. Но скоро тебе придется узнать уже не разумом, а чувством всю неизбежную полярность ощущений, диалектику жизни, гораздо более сложную и трудную, чем все головоломные задачи творцов теорий в науке и новых путей искусства. Помни всегда, что самое трудное в жизни — это сам человек, потому что он вышел из дикой природы не предназначенным к той жизни, какую он должен вести по силе своей мысли и благородству чувств.

Учитель умолк и ласково подтолкнул Кими к его месту. Эти заключительные слова много раз возникали в памяти юноши в те часы, когда «звездочка» памятной машины стала развертывать повесть о планете Торманс в почти подлинной жизни экранов ТВФ.

ГЛАВА I

МИФ О ПЛАНЕТЕ ТОРМАНС

В заключение позвольте рассказать о происхождении названия. В пятом периоде ЭРМ в западной сфере мировой культуры нарастало недовольство цивилизацией, выросшей из капиталистической формы общества. Многие писатели и ученые пытались заглянуть в будущее. Предчувствие художников внедрялось тревогой в думы передовых людей перед близящимся кризисом в те годы, когда назревавшие противоречия заканчивались военными конфликтами. Но с изобретением дальних ракет и ядерного оружия опасение за грядущую судьбу человечества стало всеобщим и, разумеется, отразилось в искусстве. В Доме Искусств хранится картина тех времен. Короткая подпись под ней совершенно понятна нам: «Последняя минута». На обширном поле рядами стоят гигантские ракеты, подобные высоким крестам на старинном кладбище. Низко нависло мутное, бессолнечное небо, угрожающе прочерченное острыми пиками боевых головок — ужасных носителей термоядерной смерти. Люди, трусливо оглядываясь, как бы сами в страхе от содеянного, бегут гуськом к черной пещере глубокого блиндажа. Художник сумел передать чувство страшной беды, уже неотвратимой, потому что в ответ на гибель миллионов невинных людей оттуда, куда нацелены крестообразные чудовища, прилетят такие же ракеты. Погибнут не те, которые бегут в блиндаж, а изображенные на другой стороне диптиха мужчина и женщина, юные и симпатичные, преклонившие колени

на берегу большой реки. Женщина прижимает к себе маленького ребенка, а мальчик постарше крепко уцепился ручонками за отца. Мужчина обнимает женщину и ребят, повернув голову назад, туда, где из накатывающегося облака атомного взрыва высунулся гигантский меч, занесенный над жалкими фигурками людей. Женщина не оглядывается — она смотрит на зрителя, и бесконечная тоска обреченности на ее лице гнетет каждого, кто видит эту картину. Не менее сильно выражена беспомощность мужчины — он знает, что все кончено, и только хочет, чтобы — скорее.

Настроения, аналогичные отраженным в картине, среди людей, исповедовавших христианскую религию и безоговорочно веровавших в особенные, мистические, как называли тогда, силы, стоявшие над природой, появились еще раньше, после первой мировой войны ЭРМ. Моралисты давно увидели неизбежность распада прежней морали, исходившей из религиозных догм, вместе с упадком религии, но в отличие от философов-диалектиков не видели выхода в переустройстве общества. Примером такой реакции на действительность для нас стала сохранившаяся от этого периода небольшая книга Артура Линдсея о фантастическом путешествии на некую планету в системе звезды Арктур. Конечно, путешествие мыслилось духовно-мистическим. Ни о каких звездолетах техника того времени еще не могла и думать. На воображаемой планете происходило искупление грехов человечества. Мрачная, полная тоски жизнь, обрисованная автором, удивляет богатством фантазии. Планета называлась Торманс, что на забытом языке означало «мучение». Так родился миф о планете мучения, который затем был использован, насколько можно судить, и художниками, и писателями многих поколений. К мифу о Тормансе возвращались не раз, и это происходило всегда в периоды кризисов, тяжелой войны, голода и смутного будущего. Для нас планета Торманс была лишь одной из многих тысяч сказок, канувших в небытие. Но всем известно, что семьдесят два

года назад мы получили по Великому Кольцу первое известие о странной планете красного солнца в созвездии Рыси. Историк Кин Рух, извлекий из-под спуда времен первоисточник мифа, назвал новую планету Тормансом — символом тяжелой жизни людей в неустроенном обществе.

Глубокий голос Фай Родис умолк, и в зале Совета Звездоплавания на минуту наступила тишина. Затем на трибуне появился худой человек с непокорно торчащими рыжими волосами. Его хорошо знала вся планета — и как прямого потомка знаменитого Рен Боза, первым осуществившего опыт прямого луча и едва не погибшего при этом, и как теоретика навигации ЗПЛ. Люди, видевшие памятник Рен Бозу, считали, что Вел Хэг очень похож на прадеда.

— Вычисления закончены и не противоречат гипотезе Фай. Несмотря на колоссальную удаленность Торманса, вполне возможно, что те самые три звездолета, которые ушли с Земли в начале ЭМВ, достигли этой планеты. Представим, что корабли попали в область отрицательной гравитации, провалились в нуль-пространство и оттуда, естественно, соскользнули назад, в один миг пролетев сотни парсеков. При полном невежестве в астронавигации гибель звездолетов была неизбежной, но их спасло чисто случайное совпадение точки выхода с планетой, очень близкой по свойствам нашей Земле. Теперь известно, что планеты нашего типа вовсе не редкое явление и, как правило, имеются почти в каждой звездной системе с несколькими спутниками. Поэтому находка такой планеты сама по себе не удивительна, но выход на нее в бедных звездами широтах Галактики — это исключительное событие. В древности говорили, подметив закон предварительного преодоления обстоятельств, что безумцам сопутствует удача. Так и здесь — безумное предприятие беглецов с Земли, фанатиков, не захотевших покориться неизбежному ходу истории, увенчалось успехом. Они шли наугад на только что открытое тогда скопление темных

звезд поблизости от Солнца, не подозревая, что это пятно, окруженное поясом темного вещества, вовсе не сложная система звезды-невидимки, а провал, место расползания продольной структуры пространств, обтекающей ундуляцию Тамаса. Я еще раз просмотрел записи памятных машин сообщения 886449, сто пятого ключа, двадцать первой группы информационного центра Великого Кольца. Описания обитателей Торманса скудны.

Экспедиция с планеты в созвездии Цефея, чье название еще не переведено на язык Кольца, смогла получить лишь несколько снимков, и по ним можно судить, что тормансиане весьма похожи на тех людей, которые приняли отчаянную попытку много веков назад.

Уже произведен подсчет биполярной вероятности — он равен ноль четырем. Машина Общего Раздумья по всем округам суммировала «да» с высоким индексом, и Академия Горя и Радости высказалась тоже за посылку экспедиции.

Вел Хэг покинул трибуну, и его место занял председатель Совета.

— После такой аргументации решать Совету нечего — мы подчиняемся мнению планеты!

Сплошное сияние зеленых огней в зале было ответом на слова председателя. Тот продолжал:

— Совет немедленно приступает к работе по формированию экспедиции. Самое главное, важнейшее — подбор астронавтов. «Темное Пламя» — второй наш ЗПЛ — невелик, и мы не сможем послать столько людей, сколько требуется. Управление звездолетом ведут восемь человек, все бессменные, кроме навигаторов. Пять человек сверх этого, считая начальника, — максимум того, что может взять «Темное Пламя» без невыносимого стеснения людей. Мы с горечью сознаем, что наши ЗПЛ еще не более чем опытные машины, и те, кто их водит, по существу, испытатели опаснейшего вида передвижения в космосе. Каждый полет, особенно в неведомую область мира, по-прежнему таит в себе гибельный риск...

В одном из верхних рядов зала трижды мелькнул красный огонек. Поднялся молодой человек в широком белом плаще.

— Надо ли подчеркивать опасность? — заявил он. — Вам известно, насколько это увеличивает приток желающих даже в техническом опыте. Но речь идет о Тормансе, о возможности соединиться с нашими людьми, частицей человечества, случайно заброшенной в безмерную даль пространства!

Председатель покачал головой.

— Вы прибыли недавно с Юпитера и пропустили подробности обсуждения. Ни капли сомнения нет — мы должны это сделать. Если жители Торманса — люди с Земли, то наши и их прадеды дышали тем же воздухом, молекулы которого наполняют наши легкие. У них и у нас общий фонд генов, общая кровь, как сказали бы в ту эпоху, когда они улетали с Земли. И если жизнь у них так трудна, как это считают Кин Рух и его сотрудники, тем более мы обязаны поспешить. Мы в Совете говорили об опасности как специальном мотиве подбора людей. Напоминаю еще и еще раз: мы не можем применять силу, не можем прийти к ним ни карающими, ни всепрощающими вестниками высшего мира. Заставить их изменить свою жизнь было бы безумием, и потому нужен совсем особый такт и подход в этой небывалой экспедиции.

— На что же вы надеетесь? — озабоченно спросил человек с Юпитера.

— Если их беда — как огромное большинство всех бед — от невежества, то есть слепоты познания, тогда пусть они прозреют. И мы будем врачами их глаз. Если болезнь от трудных общих условий планеты, мы предложим им исцелить их экономику и технику — во всех случаях наш долг прийти как врачам, — ответил председатель, и все члены Совета поднялись, как один человек, чтобы выразить полное согласие.

— А если они не захотят? — возразил юпитерианец.

Председатель нехотя ответил:

— Обратитесь в Академию Предсказания Будущего. Она уже обсуждает разные варианты. Нам же, до того как члены Совета разойдутся по рабочим группам, надо всем вместе решить вопрос о начальнике экспедиции!

Имя Фай Родис, ученицы Кин Руха, знатока истории ЭРМ, вызвало сверкание поясов зеленых огней.

— Мне кажется, — добавил председатель, готовясь покинуть трибуну, — что надо подбирать людей как можно моложе, в том числе и специалистов корабля. Молодежь по психике ближе к ЭРМ и ЭМВ, чем зрелые люди, далеко ушедшие по пути самосовершенствования и иногда плохо понимающие внезапность и силу эмоций молодости.

Председатель улыбнулся бегло и лукаво, представив себе негодующие заявления, какие будут получены от молодежных групп информационным центром Совета Звездоплавания.

Место отправления ЗПЛ «Темное Пламя» выбрали так, чтобы его могло проводить наибольшее количество людей. Степная равнина в кольце низких холмов на плоскогорье Реват в Индии оказалась в этом смысле идеальной. Как все первые звездолеты прямого луча, «Темное Пламя» уходил за пределы Солнечной системы на обычных анамезонных моторах и там, в рассчитанной заранее точке, экранировал свое состояние в нашей системе пространства-времени. Это давало возможность стать на границу Тамаса в нуль-пространстве.

Неуклюжая форма звездолета затрудняла его отрыв от Земли. Приходилось подниматься не на планетарных, а сразу на анамезонных двигателях. Поэтому первые ЗПЛ не могли взлетать на обычных космодромах, а лишь в удаленных и пустынных местах.

Двурогие активаторы магнитного поля выдвинулись на защиту. Собравшиеся на холмах укрылись за металлической сеткой, надев специальные полумаски, надежно прикрывавшие уши, нос и рот слоем мягкого пластика. На «рогах» активаторов загорелись сигналы, едва заметные в свете тропического утра. Зеленый купол огромного ко-

рабля дрогнул, подскочил на десяток метров и замер на несколько секунд, в которые магнитные амортизационные шахты внутри корабля набрали полную мощность. «Темное Пламя» повис, медленно вращаясь вокруг вертикальной оси. Бледно мерцавший столб анамезона растекался под ним до границ защитной стены. Внезапно звездолет сделал второй вертикальный прыжок в небо и сразу исчез. Неожиданность, простота, а также мерзкий режущий визг совсем не походили на гремящее и торжественное отправление обычных звездолетов. Гигантские и грозные корабли уходили с Земли величественно, как бы гордясь своей силой, а этот исчез, словно убегая.

Провожавшие разошлись, несколько разочарованные. Далеко не все представляли себе опасность ЗПЛ и трудность экспедиции. Лишь пылкое воображение, или глубокое знание, или и то и другое вместе заставили часть людей остаться в задумчивости перед опустевшей котловиной, покрывшейся белым порошком пережженного грунта.

Человеческий разум, как ни обогатился и ни развился за последние три тысячи лет, все еще воспринимал некоторые явления лишь с одной внешней их стороны и отказывался верить, что это неуклюжее сооружение способно почти мгновенно проткнуть пространство, вместо того чтобы покорно крутиться в нем, как и лучи света, в продолжение тысяч лет по разрешенным каналам его сложной структуры.

Пользуясь своими магнитными гасителями инерции, «Темное Пламя» продолжал набирать скорость такими же убийственными для прежних звездолетов прыжками, и связь с кораблем оборвалась.

Внутри «Темного Пламени», как только приборы СПШ (скорости пространства Шакти) установились на индексе 0,10129, все члены экипажа покинули инерционную камеру, разойдясь по своим постам.

В сплюсненном сфероиде кабины управления, подвешенном в центре купола, были только командир корабля

Гриф Рифт, Фай Родис и Див Симбел. Отсчет за отсчетом браковались варианты Шакти — ориентации звездолета, мгновенно перебираемые электронным мозгом курсового пульта. Ловкими, молниеносными поворотами рычажков Див Симбел нарочно вводил помехи на дисторсию кривых тяготения и перебивки, имитируя случайности Финнегана. Наконец слабое свечение озарило четыре желтые звездочки в итоговом окошке, и вибрация звездолета успокоилась, «Темное Пламя» лег на курс. Инженер включил пилотную установку и замер над циферблатом устойчивости.

Фай Родис и Гриф Рифт молча встали на диск в полу кабины, спустивший их на вторую перегородку корабля. Здесь оба астронавигатора вместе с Соль Саином трудились над расчетами точки входа и точки выхода — обе должны были быть готовы одновременно, ибо звездолет скользил на границе Тамаса в нуль-пространстве лишь короткое время, затраченное на повороты после входа и на выходе. Для продвижения в нуль-пространстве времени Шакти не существовало. Точность расчета для навигации этого рода превосходила всякое воображение и не так давно еще считалась недоступной. Первый ЗПЛ «Нооген» мог выходить лишь в приблизительно намеченные области пространства. Вероятность ошибок была велика, что и привело в конце концов к гибели «Ноогена».

После изобретения каскадного метода корреляций стало возможным определение места выхода с точностью до полумиллиарда километров. Созданные почти одновременно приборы для «ощупывания» полей тяготения из нуль-пространства исключили катастрофы от выхода на звезду или иное опасное скопление материи. На эти приборы возлагали надежды безумно смелые исследователи Тамаса.

А сейчас Вир Норин и Мента Кор закладывали в машины все предварительные расчеты, сделанные гигантскими институтами Земли, чтобы перевести их на конкретные условия в месте аннигиляции звездолета. Работали не спеша, но и не отвлекаясь. В их распоряжении было сорок три дня.

Фай Родис жестом простилась с Рифтом и медленно пошла по мягкой дорожке к своей каюте, расположенной в ряду других по периферии второй палубы. Присутствие ее не требовалось нигде. Месяцами подготовлявшийся экипаж корабля и специалисты экспедиции не нуждались ни в каких указаниях для повседневной работы — условия, уже тысячелетия существующие для людей Земли. Пока ничего не случится, время Фай Родис принадлежало ей самой, тем более что множество дел было неизмеримо выше ее компетенции. Толстая дверь из волокнистого силиколла автоматически открылась и закрылась, пропустив Фай Родис. Она усилила приток воздуха в каюту и придала ему свой излюбленный аромат — свежий, теплый запах нагретых солнцем африканских степей. Слабо гудели стены каюты, будто и в самом деле вокруг простиралась обдуваемая ветром саванна.

Фай Родис села на низкий диван, подумала и соскользнула на белый жесткий ковер перед магнитным столиком. Среди прилепившихся к его поверхности вещей стояла оправленная в золотистый овал небольшая диорама. Родис подвинула незаметный рычажок, и маленькая вещица превратилась в просвет необъятной дали живых и сильных красок природы. Над спускавшейся в неизвестность синеватой равниной летел хрупкий парящий аппарат в виде неуклюжей платформы, с грубо торчащими углами, кривыми стойками и запыленным верхом. Уцепившись за какой-то рычаг, на нем стояли двое молодых людей. Юноша с резкими чертами лица крепко держал за талию девушку монгольского типа. Ее черные косы взвивались на ветру, а одна рука была поднята вверх — не то сигнал, не то жест прощания. Угрюмая пыльная равнина с чахлой растительностью сбежала в таившуюся впереди пропасть, прикрытую валом густых желтых облаков. Эта странная вещь досталась Родис от учителя Кин Руха, который видел в ней соответствующую его мечтам символику. Для Кин Руха, окончательно раскрывшего inferнальность прошедших времен, эта диорама стала связующей с теми дав-

но исчезнувшими людьми, наследником мыслей и чувств которых он явился, чтобы оценить и понять неизмеримую силу их подвигов. Тех, кто не примирился с безвыходным кругом страданий, страха, болезней и тоски, оцепившим Землю с древних геологических эпох и до той поры, когда в ЭМВ удалось наконец построить подлинно высшее общество — коммунистическое.

Очень трудна работа историка, особенно когда ученые стали заниматься главным — историей духовных ценностей, процессом перестройки сознания и структурой ноосферы — суммы созданных человеком знаний, искусства и мечты.

Подлинные носители культуры раньше составляли ничтожное меньшинство. Исчезновение духовных ценностей, кроме дворцовых предметов искусства, из археологической документации совершенно естественно. Нередко исчезали в руинах и под пылью тысячелетий целые островки высоких культур, обрывая цепочку исторического развития. С увеличением земного населения и развитием монокультуры европейского типа историкам удалось перейти от субъективных догадок к подлинному анализу исторических процессов. С другой стороны, стало трудно выяснять истинное значение документации. Дезинформация и чудовищная ложь стали орудиями политической борьбы за власть. Весь пятый период ЭРМ, изучению которого Фай Родис посвятила себя, характерен колоссальными нагромождениями псевдоисторических произведений именно этого рода. В их массе тонут отдельные документы и книги, отражающие истинное сочетание причин и следствий.

Фай Родис вспоминала странное чувство ужаса и отвращения, приходившее к ней по мере того, как она углублялась в избранную эпоху. В сосредоточенных размышлениях она как бы перевоплощалась в некоего среднего человека тех времен, односторонне образованного, убого информированного, отягощенного предрассудками и наивной, происходившей от незнания верой в чудо.

Ученый тех времен казался глухим эмоционально; обогащенный эмоциями художник — невежественным до слепоты. И между этими крайностями обыкновенный человек ЭРМ, предоставленный самому себе, не дисциплинированный воспитанием, болезненный, теряющий веру в себя и людей и находящийся на грани нервного надлома, метался от одной нелепости к другой в своей короткой жизни, зависевшей от множества случайностей.

Самым ужасным казалось отсутствие ясной цели и жажды познания мира у очень многих людей, без интереса глядевших в темное, не обещавшее никаких существенных изменений будущее с его неизбежным концом — смертью.

Начинающая двадцатипятилетняя исследовательница явилась к учителю с поникшей головой. Фай Родис всегда считала себя способной к трудному поприщу древней моноистории, но теперь она почувствовала свою эмоциональную слабость. Фай Родис захотелось спуститься в еще большую древность, где отдельные очаги цивилизаций не давали возможности для моноисторического синтеза и казались гораздо прекраснее. Недостаток фактов давал простор домыслам, осветленным представлениями Эры Встретившихся Рук. Сохранившиеся произведения искусств одевали то немного, что было известно, ореолом большого духовного взлета.

Кин Рух, не скрывая улыбки, предложил Фай продолжать изучение ЭРМ еще год. Когда Родис стала видеть, как в неустроенной жизни ЭРМ выковывались духовные, морально-этические основы будущего мира, она была поражена и полностью захвачена картиной великой борьбы за знание, правду, справедливость, за сознательное завоевание здоровья и красоты. Впервые она поняла казавшуюся загадочной внезапность перелома хода истории на рубеже ЭМВ, когда человечество, измученное существованием на грани всеистребительной войны, раздробленное классовой, национальной и языковой рознью, истощившее естественные ресурсы планеты, совершило

мировое социалистическое объединение. Сейчас, из дали веков, этот гигантский шаг вперед производил впечатление неожиданного прыжка. Проследивание корней будущего, поразительной уверенности в светлом и прекрасном существе человека стало для Фай Родис главным делом жизни. И теперь, через пятнадцать лет, по достижении ею сорокалетней зрелости, оно привело ее к руководству небывалой экспедицией в чудовищно отдаленный мир, похожий на земной период конца ЭРМ, — олигархический государственный капитализм, каким-то способом остановленный в считавшемся неотвратимым историческом общественном развитии. Если это так, то там встретится опасное, отравленное лживыми идеями общество, где ценность отдельного человека ничтожна и его жизнь без колебания приносится в жертву чему угодно — государственному устройству, деньгам, производственному процессу, наконец, любой войне по любому поводу.

Ей придется стать лицом к лицу с этим миром, и не только как бесстрастному исследователю, чья роль — смотреть, изучать и доставить на родную планету собранные материалы. Ее выбрали, конечно, не за ее ничтожные научные достижения, а как посланницу Земли, женщину ЭВР, которая со всей глубиной чувств, тактом и нежностью сможет передать потомкам родной планеты радость светлой жизни коммунистического мира.

Фай Родис отстраняющим жестом выключила диораму. Взять с собой частицу мечты учителя — что это, как не отголосок ее прежнего смятения от познания ЭРМ! Сейчас, в тот момент, когда звездолет мчится навстречу неизвестной судьбе, она смотрела на летящую девушку, как на подругу. Та стояла в полной готовности, подняв для сигнала тонкую руку, перед спуском в пропасть. И Родис тоже скоро станет перед смертельно опасным для всего чужого миром Торманса. Ее спутники будут ждать от нее решающего сигнала.

Фай Родис передвинула рычажок под подушкой дивана, и часть стенки каюты превратилась в зеркало. С минуты она изучала в нем свое лицо, ища сходства с трагически

напряженным лицом девушки. Однако твердое, правильное лицо зрелой женщины ЭВР с идеально вылепленной структурой сильного костяка, проступающей под выразительными мышцами и безупречной кожей, сильно отличалось от полудетского выражения девушки ЭРМ даже в очень похожих переживаниях.

Предчувствие испытаний и тревога за успех экспедиции углубили серьезность зеленых глаз Фай Родис, резче очертили упрямый и твердый вырез губ.

Фай Родис шире раскрыла глаза и подняла руку — жестом летящей на платформе, но зеркало отразило его патетическим и забавным. Коротко рассмеявшись, Родис убрала зеркало, сбросила платье и легла на диван, расслабив тело и уставив взгляд на синеватый, чуть светящийся шар над головой. Она оставалась в неподвижности около трех часов, пока в системе концентрических кругов на потолке не загорелась желтая точка и не раздался слабый звон. Фай Родис сделала несколько гимнастических упражнений. Еще несколько минут — и перед зеркалом стояла другая женщина, казавшаяся строже и суровее в мягкой облегающей одежде астронавта и с короткой, плотно уложенной прической. Она надела тяжелый сигнальный браслет на левую руку и вышла из каюты.

В круглом помещении, тоже на центральной оси корабля, под пилотским сфероидом и вычислительными машинами, уже собрались участники экспедиции. Ожили циферблаты дублирных приборов, и в тот же миг через люк в потолке в зал скользнули Мента Кор и Див Симбел. Тихо запела настроенная на си-бемоль струна ОЭС, показывая, что все нормально в работе охранителей электронных связей. Звездолет более не требовал внимания и шел по заданному курсу в направлении галактического полюса.

Выжидательная тишина заставила Фай Родис сразу приступить к самому трудному — разделить людей на высаживающихся и остающихся в неприкосновенной команде корабля. Она начала с показа снимков, переданных чужой экспедицией из Цефея по Кольцу. Они достигли

бы Земли обычным путем еще через два с половиной тысячелетия, если бы ЗПЛ с планет в области созвездия Дракона не шел в нашу часть Галактики и не доставил бы сообщения в 26-й сегмент Великого Кольца.

Экспедиция цефеев только два раза облетела планету Торманс и, не получив разрешения на посадку, удалилась, сделав общую съемку планеты и ее обитателей по перехваченным телепередачам.

Красное солнце Торманса — обычная звезда для земного наблюдателя — находилось в созвездии Рыси — темной, бедной звездами области высоких широт Галактики.

Никому бы не пришло в голову, что в этой глубине пространства смогли обосноваться жители Земли. Но переданные по Кольцу снимки не оставляли сомнения — это совершенно похожие на землян люди.

Трудно было судить о цвете их кожи — пожалуй, она не отличалась от более смуглых землян. Узкие и длинные глаза казались непроницаемо темными, косые, поднятые к переносице брови придавали лицам слегка трагическое выражение. Антропологи находили в профилях жителей Торманса черты монголоидной уплощенности, а небольшой рост и слабое, большей частью неправильное телосложение тоже напоминало людей конца ЭРМ и начала ЭМВ.

Поверхность планеты, снятая в разрывах облачного покрова, не походила на Землю. Скорее ее можно было сравнить с планетой Зеленого Солнца. Показатель лучевого зондирования говорил наметанному взгляду планетографов о небольшой, в сравнении с океанами Земли, глубине морей Торманса.

По-видимому, толщина атмосферы Торманса равнялась земной. Алое солнце освещало вращавшуюся «лежа» планету, ось которой совпадала с линией орбиты, и ее бег вокруг светила был стремительнее, чем у Земли.

— Если растительность и, следовательно, состав атмосферы здесь похожи на наши, если здесь нет каких-либо особо болезнетворных организмов, то на этой планете жить легко, — нарушил молчание Тор Лик. — Здесь

должны отсутствовать резкие перемены климата, избыток радиации, землетрясения, ураганы и другие катастрофические явления, которые нам пришлось так долго смягчать.

— По-видимому, вы правы, — подтвердил Гриф Рифт. — Но зачем же тогда Торманс? Может быть, состояние планеты не так уж плохо и учитель Фай Родис только воскресил миф прошлого? Говорили, что он чересчур смело наименовал планету, основываясь лишь на предварительных данных. Орбитальные демографические профили экспедиции цефеян показали численность населения порядка пятнадцати миллиардов человек.оборот водной массы и характер рельефа свидетельствуют о невозможности биологического процветания столь большого числа людей. Избежать голода можно, если на планете сделаны или приняты по Кольцу научные открытия в производстве синтетической пищи, минуя посредство организмов высшего порядка. С Великим Кольцом они не сообщаются, а отказ в приеме чужого звездолета целой планетой говорит о существовании замкнутой централизованной власти, для которой невыгодно появление гостей из космоса. Следовательно, эта власть опасается высоких познаний пришельцев, что показывает низкий ее уровень, не обеспечивающий должной социально-научной организации общества. Никто другой не ответил на зов звездолета цефеян. Это значит, что олигархический строй не позволяет пользоваться мощными передатчиками никому, даже в чрезвычайных случаях.

— В таком случае на планете имеет место подавление индивидуальных интересов, ведь звездолет — такое событие, на которое должны были откликнуться миллионы людей, — сказала Фай Родис, — а из истории планет известно, что такая система всегда совпадает с научной отсталостью и техническим регрессом.

— Кин Рух прав! — воскликнула Чеди Даан. — Огромное население без ускоренного прогресса быстро истощит ресурсы планеты, ухудшит условия жизни, еще ослабит прогресс — словом, кольцо замкнулось.

— Подобными словами мой учитель обосновывал свое наименование планеты, ибо мучение людей по формуле инфернальности в таких условиях неизбежно, — подтвердила Фай Родис.

— Вы подразумеваете старую формулу или ее новую разработку, данную Кин Рухом?

— И то, и другое. Теория выдвинута и названа одним философом и ученым ЭРМ.

— Я знаю, — ответила Чеди Даан, — это был Эрф Ром, живший в пятом периоде.

— Мы обсудим теорию позднее. Став спутником Торманса, мы сможем наблюдать его жизнь, — сказала Фай Родис. — А сейчас разделимся на две группы. Каждый будет готовиться к многогранной просветительской деятельности, которая ждет как остающихся охранять «Темное Пламя», так и тех, кто ступит на запретную почву планеты.

— Но если они снова не захотят? — спросил Див Симбел.

— Я придумала прием, который откроет нам доступ на планету, — ответила Фай Родис.

— Кого вы возьмете из команды корабля? — спросил Соль Саин.

— Кроме меня и трех специалистов экспедиции, то есть Чеди, Тивисы и Тора, необходимы врач, технолог и вычислитель высшего класса, владеющий методами стохастики. В качестве технолога высадится Гэн Атал, обязанность которого по бронеовой защите корабля возьмет Нея Холли, вычислителем будет первый астронавигатор Вир Норин, а врач — она у нас одна.

— Благодарю, Фай, — Эвиза послала воздушный поцелуй, а Вир Норин обрадованно кивнул, не сводя с Фай Родис глаз, и легкий румянец окрасил его щеки, бледные от напряженной работы последних месяцев в тесных помещениях корабля.

Гэн Атал плотно сжал тонкие губы, и глубокая вертикальная морщина легла между его бровей.

— А как же я? — недовольно воскликнула Олла Дез. — Я подготовилась к высадке и нахожусь в самой лучшей форме. Я думала, что тоже смогу выполнять двоякую роль исследователя и демонстратора! Показать Тормансу пластические танцы...

— И вы покажете, Олла, несомненно, — возразила Фай Родис, — через экран нашего корабля. Вы нужны здесь — для связи с личными роботами и отдаленной съемки. Впрочем, если все будет благополучно, то каждый из нас будет гостем Торманса.

— А пока расчет на самое худшее, — поморщилась Олла Дез.

— На худшее, но не самое, — сказала Фай Родис.

ГЛАВА II

ПО КРАЮ БЕЗДНЫ

Двадцать дней, как плыли каравеллы,
Встречных волн проламывая грудь.
Двадцать дней, как компасные стрелы
Вместо карт указывали путь.

Напевая эти древние слова на мелодию «Вспаханного Рая», Чеди Даан ворвалась в круглый зал, увидела Фай Родис, склонившуюся над машиной для чтения, и смутилась.

— Вхожу в мышление ЭРМ, — пояснила Чеди, — сегодня ровно двадцать дней, как мы затормозились и неподвижно висим в пространстве!

— А вам не кажется, — слова Фай Родис сопровождалась ее обычной скользящей улыбкой, — что «Вспаханный Рай» не подходит для стихов ЭРМ? Дейра Мир, недавно создавшая кантату, сторонница сумрачного красно-оранжевого спектра мелодий. А мне представляется, что поэты ЭРМ — хорошие люди, потому что создавали в тех условиях добрые, хорошие вещи голубого спектра. Вы знаете, что из тех времен я больше всего ценю русскую поэзию! Она мне кажется наиболее глубокой, мужественной и человечной среди поэтической

го наследия всего тогдашнего мира. Хорошие люди всегда носили в себе печаль неустроенной, inferнальной жизни, и мелодии их песен не должны были быть мажорнее зеленого спектра.

— Но уцелевшие записи музыки, — возразила Чеди, — изобилуют даже желтыми мелодическими линиями.

— Это так, но не забывайте, Чеди, перевоплощаясь в девушку ЭРМ, что в творчестве того времени всегда разделялись две стороны — внешняя и внутренняя. Внутреннюю умели выражать лишь косвенно, а внешняя была маской в желтом, оранжевом и даже инфракрасном спектре мелодий, ее называли еще абстрактной, как бы над-эмоциональной музыкой.

— А маска служила требованиям общества или власти?

— Часто, но не обязательно. Как всякая маска, она для художника прежде всего прикрывала разрыв между стремлениями и жизнью, какую ему приходилось вести.

— Но тогда все носили маски! — удивилась Чеди Даан.

— Так и было. Тех, кто изредка пытался жить без маски, считали безумцами, святыми или так называемыми дураками — тогдашний термин для неагрессивных людей с дефектным мышлением.

— И это доказано?

— Нет, конечно. О внутренней жизни людей той эпохи известно мало, и всегда возможна дисторсия представлений, но, простите, я прервала вас.

— У вас гораздо больше знаний по ЭРМ и выбора, спойте мне. Такое, что вам особенно нравится.

Фай Родис, обхватив пальцами твердый подбородок, поставила локти на стол. Несколько минут она оставалась в этой позе, потом запела сильным высоким голосом:

Нет, не укор, не предвестье
Эти святые часы!
Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.

Чеди подавила вздох восхищения.

Миг между светом и тенью,
День меж зимой и весной,
Вся подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной!

— В синем спектре? — спросила Чеди.

— Зеленом. Я взяла мелодию из «Равнодушной Богини».

— «Миг между светом и тенью...» — задумчиво повторила строку Чеди. — Прекрасная вещь! Запомнилась навсегда. И как подходит она к нашему будущему пути по грани между звездными просторами Шапти и бездной Тамаса!

— Миг между светом и тенью — это ведь наше «Темное Пламя». Я не подумала об этом, — сказала Родис, — для меня звучал лишь внутренний смысл песни, а он привел к настоящему. Нередкое совпадение при глубоком чувстве! — И Фай Родис задумалась снова, а Чеди Даан выскользнула в круговой коридор, где чуть не столкнулась с астронавигаторами.

— Идемте с нами, Чеди, — пригласила Мента Кор, — мы бежим потанцевать. Сегодня работа шла хорошо! Мы заложили последнюю кохлеарную программу, но внутри все кипит от напряжения.

— Хорошо, только я позову себе партнера, — ответила Чеди, — Гриф Рифта. — И она подняла перед собой циферблат сигнального браслета.

Мента Кор прикрыла его рукой.

— Не надо. Он поднялся на веранду. — Мента замялась, опустив взгляд. — Зачем тревожить Рифта? Мне кажется, он размышляет над величайшими проблемами.

— Как раз и нужно его отвлечь. Видимо, вы не знаете, что он пережил. Гриф Рифт потерял любимую женщину. Она погибла при вскрытии древнего склада биологических ядов. Наши предки запасли их в количестве, достаточном,

чтобы отравить всю планету. Мудрость людей ЭВР спасла всех от ужасной катастрофы ценой всего одной жизни. Но эта жизнь была самой драгоценной для Рифта.

Чеди Даан подошла к услужливо открывшейся перед ней двери лифта. «Верандой» называлось пространство под куполом вокруг сфероида пилотской кабины, — оно использовалось как прогулочная площадка и гимнастический зал. Там уже носились неистово и порывисто Тивиса Хенако и Тор Лик.

Чеди Даан увидела Рифта, склонившегося на перила галереи и уставившегося на серебристое зеркало бассейна для гимнастики. Заполненный преобразованным изотопом таллия, неядовитым и нелетучим, он служил для сложных упражнений в условиях нормального и повышенного тяготения.

Чеди увела инженера вниз. И хмурый повелитель звездолета невольно улыбнулся, глядя сверху вниз в раздумывающееся лицо Чеди. Они танцевали медленно и молча. Чеди почувствовала, как напряженные движения Гриф Рифта стали свободней.

— Еще несколько дней, и они, — Чеди кивнула на астронавигаторов, — получают все данные. Тогда приметесь за дело вы. — Чеди вздохнула. — Говорят, что нет ничего страшнее, чем входить в нуль-пространство. Может быть...

— Я найду для вас место в пилотской кабине. Там есть маленькое кресло за охладителем индикатора скоростей. Надо же социологу взглянуть на корни вселенной, беспощадной и убийственной для жизни, пролетающей в ее черных глубинах, как чайка в ночном урагане.

— И все же летящей!

— Да, в этом и заключается величайшая загадка жизни и ее бессмысленность. Материя, порождающая в себе самой силы для разгадки себя, копящая информацию о самой себе. Змея, вцепившаяся в свой хвост!

— Вы говорите как древний человек, живший узко, мало и без радости познания.

— Все мы, как и тридцать тысяч лет назад, оказываемся узкими и малыми, едва встретимся лицом к лицу с беспощадностью мира.

— Не верю. Теперь мы гораздо больше растворены в тысячах близких духовно людей. Кажется, что ничто не страшно, даже гибель, бесследное исчезновение такой маленькой капли, как я. Хотя... простите, я говорю только о себе.

— Я и не ощутил вас учительницей второго цикла. Но знаете ли вы, какое страшное слово «никогда» и как трудно с ним примириться? Оно непереносимо, и я убежден, что всегда было так! С тех пор как человек стал памятью воскрешать прошлое и воображением заглядывать в будущее.

— А мир построен так, что «никогда» повторяется в каждый миг жизни, пожалуй, это единственное неотвратно повторяющееся. Может быть, по-настоящему человек только тот, кто нашел в себе силу совместить глубокое чувство и это беспощадное «никогда». Прежде, да и теперь, многие старались разрешить это противоречие борьбой с чувством. Если впереди «никогда», если любовь, дружба — это всего лишь процесс, имеющий неизбежный конец, то клятвы в любви «навсегда», дружбе «навсегда», за которые так цеплялись наши предки, наивны и нереальны. Следовательно, чем больше холодности в отношениях, тем лучше — это отвечает истинной структуре мира.

— Неужели вы не видите, насколько это не соответствует человеку? Ведь в самой своей основе он устроен как протест против «никогда», — ответил Гриф Рифт.

— Я не думала об этом, — призналась Чеди.

— Тогда примите же борьбу эмоций против мгновённости жизни, беспощадной бесконечности вселенной как естественное, как одну из координат человека. Но если человек совместил в себе глубину чувств и «никогда», не удивляйтесь его печали!

Чеди Даан взволнованно посмотрела в склоненное к ней лицо инженера и нежно погладила его большую руку.

— Пойдемте! — коротко сказал Гриф Рифт и повел ее на вторую палубу, в свою просторную каюту.

Инженер включил серый свет, употреблявшийся для рассмотрения цветовых соотношений, и отодвинул легкую панель в стене. Пластическая голограмма воскресила облик той, которая осталась прежней лишь в памяти Гриф Рифта.

Молодая женщина в широком белом платье сидела, сложив обнаженные руки на коленях и чуть подняв лицо, обрамленное серповидной рамкой тщательно причесанных светлых волос. Выпуклый гладкий лоб, тонкие косые брови и веселые, лукавые глаза гармонировали со смешливым очерком полного крупного рта. Высокая шея охватывалась несколькими рядами розовых жемчужин, спускавшихся на низко открытую по моде недавних лет грудь. Легкая юная радость исходила от всей ее фигуры. Будто в каюте звездолета очутилась фея Весны неумиряющих сказок человечества, чтобы передать астронавтам то особое предчувствие сбывающегося счастья, которое свойственно только очень молодым в разгаре весны, пронизанной всеми ароматами, солнечными бликами и свежим ветром Земли.

С этим ощущением Чеди тихо вышла из каюты, когда Гриф Рифт погасил стереопластический портрет и стоял в сером свете, молчаливый и неподвижный. А Чеди боролась с навertyвающимися слезами и нервным комком в горле, удивляясь, как сильно подействовало на нее свидание с погибшей возлюбленной знаменитого инженера. «Социолог Эры Встретившихся Рук, — говорила она себе, — что же случилось с тобою? Или на самом деле ты становишься женщиной ЭРМ — несдержанно жалостливой, чувствительной к любому страданию. Надо подумать, будет ли это полезно в трудные дни, когда придется окунуться в жизнь Торманса?» Она давно уже решила побыть на планете в роли обыкновенной тормансианки, не гостыи, не учительницы, а скорее ученицы. Суметь стать похожей, не отличаться, затеряться в толпах народа, виденных на снимках цефеев. Судить не извне, а изнутри —

основная заповедь социолога высших форм общественного устройства. Фай Родис одобряет ее проект, только ставит условие, что окончательное решение будет принято на Тормансе...

Гриф Рифт сдержал свое обещание. Чеди забилась в глубину кресла. Все места в пилотской кабине были заняты. В центре полукружия пультов сидел Гриф Рифт, немного позади и справа Див Симбел, похожий на каменную статую борца. Слева Соль Саин устремил сощуренные глаза на верхний ряд экранов. Скулы его сухого лица резко выступили, а глубокая морщина обежала подбородок от одной щеки до другой. Оба астронавигатора, с безразличным видом стараясь показать, что они сделали все, поместились за левым концом пульта. Со своей позиции Чеди Даан могла видеть в профиль Фай Родис, сидевшую в «гостевом» кресле в двух метрах позади инженера-аннигилятора. Внешне глава экспедиции казалась совершенно спокойной, но не могла обмануть чуткую Чеди, заметившую, что Фай волнуется.

«Тоже в первый раз», — подумала Чеди, оглядываясь на плотно запертую дверь. Весь остальной экипаж, кроме Гэн Атала, находился в камере биозащиты в ведении Ней Холли и Эвизы Танет. Гэн Атал уединился в тесной каюте под самым куполом, выше пилотской кабины, куда, как к полюсу, сходились линии силовых напряжений, температурной деформации и отражателей шаровых сгущений минус-поля. Пылкое воображение Чеди Даан представило инженера броневого защиты древним воином, укrywшимся за щитом, готовым парировать все неожиданные удары врага. По существу, так оно и было, только вместо рукояток меча и кинжала пальцы инженера держали рычаги куда более мощных орудий.

Тишина нарушалась тремя нотами аккорда ОЭС. Гриф Рифт повернулся к Соль Саину и сделал ему какой-то знак. Пение ОЭС умолкло, тишина стала такой глубокой, что вспыхнувшие экраны кругового обзора, казалось, зашелестели и зазвенели горстями ярких звезд слева, в на-

правлении галактического центра. Спутанные нити иглистых светил тянулись справа, вдоль наружного рукава нашей вселенной.

По второму знаку Гриф Рифта Див Симбел повернул звездолет. Медленно ушли из передних экранов дико взлохмаченная туманность светящегося газа, край облака темной материи, подсвеченного плотным огнем шарового скопления, и длинные нити рассеянного света в Лебедь. Чернота космической ночи надвинулась вплотную, отбрасывая в неизмеримую даль тусклые огоньки далеких звезд и галактик. Это означало, что «нос» корабля повернулся в сторону созвездия Рыси и подходил к репагулюму — как бы перегородке, разделяющей часть оборота мира и антимира, Шапти и Тамаса, вложенных один в другой.

Див Симбел раскрутил небольшое красное колесо, насаженное на торчавший из пульта конус. Звездолет дрогнул, легкое ускорение вдавило Чеди в глубину кресла. Нижние края экранов замерцали, гася резкие звездные огни отблесками работы нейтринной воронки. Гриф Рифт шелкнул чем-то, пронзительный сигнал пронесся по всем помещениям корабля, и вспыхнувшее на экранах голубое пламя заставило вздрогнуть Чеди и Фай Родис. Обе женщины инстинктивно прикрыли глаза руками, пока не привыкли к перемене цветов — голубого и синего, вихрившихся и стремительно обтекавших купол звездолета. В пилотской кабине стало темно, будто бы она погрузилась в озеро мрака, накрытое сверху чашей стремительных струй света.

Четыре гигантские круглые шкалы загорелись одна над другой на вертикальной перегородке, разделявшей два экрана, в вершине дуги пультов. Гриф Рифт кивнул в сторону Див Симбела, и инженер-пилот поспешно повернул красное колесо назад.

Чеди Даан скорее угадала, чем почувствовала вращение сфероида кабины, циферблаты замерцали перебежкой оранжевых огней, и огромные стрелки их двинулись налево, вздрагивая и качаясь вразнобой. Гриф Рифт склонился над пультом, и его руки, освещенные лишь отблеском

циферблатов, замелькали на клавишах приборов с быстротой первоклассного музыканта. Стрелки медленно выравнивались, одна за другой прекращая свое неровное трепетание, и справа на экраны начала наползать тьма. Это не был ночной мрак Земли, наполненный воздухом, запахами и звуками жизни. И не мрак космического пространства, чернота которого всегда подразумевает необъятный простор. На звездолет ползло нечто не поддающееся чувствам и разуму, не наделенное ни одним из привычных человеку свойств, не поддающееся даже абстрактному определению. Это было не вещество и не пространство, не пустота и не облако. Нечто такое, в чем все ощущения человека одновременно тонули и упирались, вызывая глубочайший ужас. Чеди Даан вцепилась в кресло и стиснула зубы, охваченная первобытным страхом. Вся дрожа, Чеди задержала взгляд на длинном суровом лице Гриф Рифта, замершего над своими приборами. Четыре циферблата над его головой теперь горели тусклым желтым пламенем. Резко выделялись острия стрелок — две вверх, две вниз, — подползавших к вертикальной черте. Едва стрелки коснулись этой черты, звездолет сотрясся. На секунду перед глазами Чеди встало незабываемое грандиозное зрелище — горящие кинжальными лучами звездные облака, полосы и шары вплоть до вертикального столба с циферблатами, а слева — заполнившая все стена тьмы.

И вдруг все погасло. Чувство провала, падения в бездну без опоры и спасения придавило гаснувшее сознание Чеди. Несказанно мучительное ощущение внутреннего нервного взрыва заставило ее кричать надрывно и бессмысленно. На самом деле Чеди лишь беззвучно шевелила губами. Ей казалось, что все ее существо испаряется, точно капля воды. Потом ледяной холод сковал ее в глубине той бездны, куда она падала без конца...

С чувством целостности тела к Чеди вернулось сознание. Струйки тонирующей газовой смеси тихо обведали ее покрытое потом лицо. Медленно, боясь не пережить вторичного распада сознания, Чеди скосила глаза на правые

экраны. На них не виделось ничего, кроме мутной и серой пустоты. Налево, где раньше сияла светоносная мощь миллионов солнц центра Галактики, тоже было серое ничто. Чеди встретила глазами с Фай Родис, которая слабо улыбнулась и, видя, что Чеди собирается что-то сказать, приложила пальцы к губам. Гриф Рифт, Див Симбел и Соль Саин сдвинули свои кресла. В треугольнике их плеч и голов светилась теперь невысокая, прозрачная, как хрусталь, колонна. Внутри ее по едва различимой спирали текла похожая на ртуть жидкость. Малейшее замедление или ускорение ее потока вызывало скачок одной из стрелок больших циферблатов и короткий требовательный гудок откуда-то из подножия пульта. С гудком все три головы вздрагивали, напрягаясь, и снова впадали в оцепенение, едва стрелка возвращалась на черту.

Прозвучал особенно настойчивый гудок, две стрелки сдвинулись одновременно. На правом экране из серой мглы проступило пятно тьмы.

Чеди достаточно знала новые представления об устройстве вселенной, чтобы понять это пятно тьмы как выступ Тамаса. Она знала, что гравитационные поля в нашей вселенной имеют очень разнообразную форму, чаще всего волчков, воронок, сильно сплюснутых конусов, протянувшихся цепями в направлениях анизотропии пространства-времени. Нет ничего удивительного, если антигравитационные для нас поля антимира, то есть гравитация Тамаса, построены аналогично, и за этим волнообразным выступом скрыты сгущения антиматерии — черные галактики и солнца-невидимки Тамаса.

Когда-то людям казалось невероятным, что в соседних галактиках, вроде Туманности Андромеды, могут оказаться обитаемые миры. А еще раньше кружилась голова от представления о жителях планет Арктура или Альгаира. Теперь человеку уже мало своей вселенной с ее миллиардами галактик, и он подбирается к ужасающему мраку антимира, который, оказывается, совсем близко. Но какую же отвагу и жажду познания надо накопить людям,

чтобы не только бесстрашно встать перед стеной ужаса, но и стремиться проникнуть сквозь нее в то, чему у обыкновенного человека, вроде самой Чеди, даже нет мысленного определения! И она еще чуть не набралась смелости учить жизни самого Гриф Рифта! Нет, она говорила с ним хорошо, с дружеским пониманием и единством чувств...

«Миг между светом и тенью...» — зазвучала в памяти песня Родис... Действительно, миг. Вертикальная планка с циферблатами олицетворяет собою грань. Соскользнуть с нее, и... она знает теперь, что будет в Тамасе! Можно очутиться и в нашем мире, светлом Шакти, но он также убийствен, если выйти слишком близко к звезде или в шаровое скопление. Так носятся по гребню волны, с той разницей, что слишком большая судьба стоит за полетом «Темного Пламени» и тринадцатью жизнями его экипажа. Гриф Рифт сказал ей о чайке, летящей в ночном урагане, — ему ли не знать! Для него это не поэтическое сравнение, а точный образ ЗПЛ. Нет, достаточно! Корни вселенной слишком страшны для нее, возвращенной в заботливом обществе Земли. Интересно, что почувствовала Фай Родис, — вот она, такая же неподвижная, как трое вокруг хрустальной колонны, подняла взгляд на экраны, за которыми серая пустота, и, наверное, тоже старается представить Тамас?

Чеди не угадала мыслей Фай Родис. Ощущения, пережитые ею, были мучительнее, чем у Чеди, потому что Родис не теряла сознания. Ее сильное, великолепно тренированное тело сопротивлялось переходу в нуль-пространство почти так же, как у водителей ЗПЛ. Быстро вернувшись к норме, она думала о комнате в институте Кин Руха, на востоке Канады, где она готовилась к экспедиции.

Просторная, со стеной, застекленной огромными листами силиколла, комната выходила на долину большой реки, среди сосновых лесов заповедника. Фай Родис вспомнились самые незначительные детали — от палевого оттенка сплошного ковра до больших столов и диванов из искусственного серо-шелковистого дерева. Теплый уют способствовал работе. Особенно когда за обращен-

ной к речным далям прозрачной стеной ползли низкие тучи и холодный дождь неся по ветру. Тогда Фай Родис забиралась на диван в противоположной стороне комнаты, возле читального аппарата и стопок восстановленных древних фильмов, читала, думала и смотрела. Счастливое время «впитывания» информации, чтобы сделать себя способной к пониманию древних исторических процессов и путей восхождения человечества.

Однажды ей попался обрывок фильма о войне. Гриб воды и пара от ядерного взрыва стоял над океаном на заоблачной высоте, над холмами и пальмовыми рощами крутого берега. Несколько кораблей были опрокинуты и разметаны. Из берегового укрепления двое людей наблюдали за происходящим. Пожилые и грузноватые, они были в одинаковых фуражках с золотыми символами — очевидно, командиры.

Их лица, освещенные заревом морского пожара, изборуженные морщинами, с припухшими веками усталых глаз, не выражали испуга, а лишь сосредоточенное внимание. У обоих были крупные черты, массивные челюсти и одинаковая уверенность в благополучном исходе титанической битвы...

Родис вспомнила, как тогда, глядя в черную ночь за прозрачной стеной, думала об океане мужества, понадобившегося людям Земли, чтобы вывести себя из дикого состояния, а свою планету превратить в светлый, цветущий сад.

Девяносто миллиардов людей прошли под косою времени, начав с шатких шалашей на ветвях деревьев или узких щелей в обрывах скал, пока с победой разума и знания, с наступлением всепланетного коммунистического общества не кончилась ночь несчастий, издавна сопутствовавшая человечеству. Чудовищная цена!

Но сейчас гордая женщина была потрясена и, если честно признаться, испугана столкновением с реальностью вселенной, испугана не меньше, чем когда-то поддавались страху ее давно прошедшие по лику планеты сестры. Страх перед реальностью, ведущий к разрыву

с ней, к созданию иллюзий и искажению действительности, всегда владел человеком, не закаленным с детства для борьбы с силами природы. Даже теперь она, полная здоровья, специально тренированная психически, дрожит перед фундаментальными структурами подлинного мира... Но тверды и непреклонны лица ее соратников в борьбе с силами антимира, перед которыми не только человек, но даже целая галактика — пылинка, без следа исчезающая во враждебной тьме Тамаса — антивремени и антипространства...

Фай Родис разглядывала троих сидевших перед ней бесстрашных пилотов корабля и спрашивала себя: где предел, и есть ли он? С изобретением ЗПЛ наступила Эра Встретившихся Рук, а что придет ей на смену в грядущем? Эра соединения Шакти и Тамаса? Уравновешивание корней двухполюсной вселенной? Но как избежать замыкания, бесструктурности, аннигиляции? Даже смутные догадки об этом ей не по силам.

И вдруг хрустальная колонна погасла, новый звук, вроде аккорда басовой струны, отдался в полу кабины. Фай Родис инстинктивно поняла, что «Темное Пламя» достиг цели, вернее — точки выхода. Что-то опять случилось с ее телом. Падение или взлет? Растягивание или сжатие? Фай Родис не могла сообразить. Исчезли все обычные чувства. Она будто бы плавала в невесомости, не ощущая ни холода, ни тепла, ни низа, ни верха, ни света, ни мрака. Потеряв все ориентиры, мозг отказался воспринимать что-либо. Однотонные мысли завертелись по кругу, догоняя одна другую в бесконечной череде повторений. Она не испытывала ни страха, ни радости, не понимала своего состояния, похожего на жизнь, уже родившуюся и еще бессмысленную, как миллиарды лет назад. Но неведомое вторглось в несущиеся по кругу мысли, разорвало их замкнутую цепь. Сознание опять раскрыло свои объятия внешнему миру. Вернувшись из небытия... Нет, это состояние нельзя было так называть. Родис была, но не существовала, или, вернее, существовала, а не была.

Она увидела роскошную россыпь звездных огней. Только пояса и шары горячей материи теперь ушли в низ экранов левой стороны. Впереди, справа, в черноте космоса, зловеще светило созвездие Пяти Красных Солнц, а в стороне — еще две близкие бледные звезды.

Гриф Рифт поднялся, провел ладонями по лицу, будто смывая с себя усталость. Див Симбел манипулировал цифровыми дисками на пульте. Звездолет дрогнул несколько раз, точно успокаивающийся зверь, и замер. Радость, неопределенная и глубокая, согрела Фай Родис. Так человек, бродивший в гибельном подземелье, выходит к голубому небу, теплomu солнцу, живому запаху трав и леса. Она улыбнулась всем: Гриф Рифту, Чеди, обоим астронавигаторам, пробиравшимся вдоль пультов к лифту в помещение вычислительных машин. Перед овальной дверью откуда-то возник Гэн Атал. Он передвинул зеленый рычаг, и массивная дверь отползла направо. Инженер броневой защиты подошел к Чеди одновременно с Гриф Рифтом.

— Все! — сказал Рифт. — Теперь дело за астронавигаторами. Скоро они скажут нам, как далеко мы вышли от цели. Что вы думаете, Див?

Инженер-пилот показал на тусклое светило диаметром в четыре-пять сантиметров, наполовину скрытое рамкой экрана и ранее не замеченное Фай Родис.

— Если это солнце Торманса и оно размером с наше, то до него может быть всего триста — четыреста миллионов километров. Это пустяки.

— А если не оно? Какое-нибудь из той пятерки? — спросил Соль Саин.

— Тогда придется странствовать долго... или снова входить в нуль-пространство, но уже без заранее подготовленной на Земле сетки. Будет беда, но я верю и расчетам Земли, и нашим астронавигаторам. Не в первый раз они ведут ЗПЛ, — спокойно сказал Див Симбел.

Чеди Даан осторожно спустила ноги на упругий пол.

— Как чувствуете себя, Чеди? — заботливо спросил Гриф Рифт. — Может быть, вызвать Эвизу? Все-таки мы

рисковали, подвергая вас такому испытанию. Я понадеялся на тщательную тренировку всего нашего экипажа.

— И не ошиблись, — выпрямилась Чеди, изо всех сил стараясь преодолеть слабость в ногах и мерцание перед глазами.

Трое водителей звездолета одобрительно переглянулись. Она отвечает так, как будто терять сознание дважды за короткий промежуток времени для нее было обычным делом. Чеди уловила смешливую искорку в темных глазах Соль Саина.

— Почему вы не заботитесь о Фай Родис? Она тоже впервые попала в нуль-пространство.

— О Фай Родис никто не тревожился, — Гриф Рифт понизил голос, — она не только вела раскопки на дальних планетах, но и прошла все десять ступеней inferнальности.

— Зачем? — изумилась Чеди Даан.

— Историки делают это, чтобы глубже понять ощущения людей давнего прошлого.

Чеди порозовела от наплыва смешанных чувств. Второй раз в тесном мирке из тринадцати людей она недооценила человека. Положительно, нельзя считать себя социологом раньше пятидесяти лет. Хорошо, что машинная лингвистика — область, в которой она может верить в себя. Сколько еще сюрпризов принесет ей дальнейшая работа с товарищами по экспедиции? Она пошла в свою каюту, бросив искоса взгляд на Фай Родис. Опершись на спинку кресла, та смотрела на недоброе мерцание созвездия Красных Солнц. Чеди вдруг вспомнилась картина одной из художественных выставок. Безотрадный ландшафт: гряды бурого камня, ослизлые и покрытые извилистыми полосами грязно-коричневой растительности — длинных, стелющихся, похожих на водоросли косм. Низкое облачное небо подпиралось, точно колоннами, рядами красно-ржавых ажурных башен. На балках ближайших загадочных построек висели те же коричневые клоки, отклоненные в сторону упорным и равномерным ветром.

Спереди крупным планом была изображена женщина в сложном скафандре. Верхняя часть шлема, приподнятая на манер забрала древних рыцарей, открывала часть лица. По характерным очертаниям лба, переносицы, бровей и глаз Чеди теперь безошибочно узнала Фай Родис, хотя нос, рот и подбородок скрывались в сложном респираторном устройстве. Да, несомненно, она была там, на мокрых планетах инфракрасных солнц! А следовательно, короткий, предпоследний прыжок «Ноогена» произошел с участием Фай Родис. И она молчала, чтобы Чеди и ее товарищи, не бывавшие в нуль-пространстве, не ощущали себя зелеными новичками перед ней.

Чеди не знала еще многого. Впрочем, и сама Фай Родис не подозревала, что в этот самый момент среди гор Предкавказья сидел у исполинского телескопа автор картины, известный астроном. Подбадривая себя пилюлями, снимающими сон, он дежурил третью ночь. Перед ним, усиленные в миллион раз, мерцали на экране красные точки пятизвездного скопления в созвездии Рыси. Где-то там, может быть, у этого ничтожного красного огонька выше скопления, в тысячах лет пути светового луча, должен вынырнуть «Темное Пламя». На нем незабываемая Фай Родис, чьи многоликие образы теперь сможет истребить в его памяти только смерть...

Именно в этот момент в сфероиде пилотской кабины Фай Родис и Гриф Рифт тоже смотрели на алую звезду. Инженер-пилот догадался правильно — тусклое светило, казавшееся на экране маленьким диском, было солнцем Торманса.

Вир Норин и Мента Кор уже определили расстояние — триста восемьдесят миллионов километров предстояло пройти звездолету на анамезонных моторах — обычных космических двигателях. Если бы звездолет не был полностью заторможен, а шел хотя бы с так называемой «скоростью подхода» в 0,1 Л, то он мог достичь Торманса ровно через три с половиной часа. Но разгон и затем торможение «Темного Пламени» требовали еще около тридцати часов.

Победно зазвучали сигналы, загнавшие людей в амортизационные кабины магнитных шахт.

«Темное Пламя» скачками понесся по новому курсу. Еще до появления ЗПЛ обычные звездолеты, оборудованные магнитными гасителями инерции, получили прозвище «звездных кенгуру» именно за эту способность невероятно быстрого набора скорости.

Див Симбел и Соль Саин настроили автоматы управления корабля, чтобы пройти набор скорости, полет и торможение в едином цикле. Весь экипаж, погруженный в смягчавший неудобства гипнотический сон, не покинул амортизационных кабин. Никто на корабле, кроме ведущих путевую съемку и журнал роботов, не мог наблюдать, как выростало алое солнце, меняя окраску на все более красный цвет. Сначала оно росло медленно, затем стало приближаться с угрожающей быстротой, изливая на звездолет свою огненную силу. Достигнув в поперечнике почти двух метров, оно выглядело не плоским диском, а шаром в широко раскинувшейся светящейся мантии. Оно отдалилось столь же быстро, как только корабль прошел анастерий, и сравнялось в размерах с Солнцем, видимым с Земли.

Звездолет закончил описывать точную кривую. Его скорость упала до назначенного минимума. В отдельной маленькой кабине, где дремали Див Симбел и Вир Норин, заработали аппараты пробуждения, которые разбудили бы дежурных в случае любой неполадки в ОЭС. Вскоре все тринадцать человек собрались в пилотском сфероиде, глядя на приближавшуюся планету. Вторая от своего светила и много ближе к нему, чем Земля к Солнцу, она тоже имела лишь один удаленный спутник экваториального обращения. Астронавты хорошо знали чистую голубизну родной планеты, становившуюся все ярче и радостнее по мере приближения к ней. Торманс же оказался густосиним, а там, где ступени облачного покрова отражали и слабее рассеивали лучи красного солнца, — фиолетовым. В густоте окраски планеты был оттенок непривет-

ливости. Более нервные, чем звездолетчики, люди, может быть, увидели бы во внешнем облике Торманса нечто злое.

Темно-синий шар висел в черном небе, а под ним, едва заметный, плыл пепельный диск спутника.

— Все же Торманс, наверное, был третьей планетой, — громко сказал Тор Лик. — Первая давно упала на свое светило, как то будет с нашим Меркурием. Звезда эта старше... — Астрофизик умолк, глядя на приемный экран передних локаторов, прочерченный дугой пунктира.

Гриф Рифт бросился к пульта, но Олла Дез опередила его и включила связь. В длинном окошке под локатором побежали короткие вертикальные столбики, а переводная машина стала выпевать две ноты — ре и соль, повторяя их без перерыва.

— Язык Кольца! — воскликнул Гриф Рифт.

Олла Дез передвинула индекс переводной машины. Тотчас в окошке проема побежали цифры: 02, 02, 02, 02... — галактические позывные станций Великого Кольца. Звездолет вызывали!

Какие-то неслыханно чувствительные локаторы обнаружили приближение «Темного Пламени» и теперь обращались к нему на языке, общем для миллионов планет галактики и внегалактических звездных скоплений, объединенных в могучий союз Великого Кольца. Даже галактика М-31, или Туманность Андромеды, теперь с помощью звездолетов прямого луча присоединяет колоссальную мощь своего коллективного разума, своего Кольца, к нашему, и это только самое начало новой эры ЭВР. Этот условный язык, расшифрованный сыном Земли, незабвенным Кам Ааматом, готовился зазвучать в обычных символах с планеты Торманс!

Но тогда как неверны были земные представления о ней! Если тормансиане входят в Кольцо, знают его язык и общаются с братьями по разуму, то никакой планеты мучений не существует. Это миф, ошибка, вызванная случайным непониманием. Вероятно, мышление цефеев

слишком отличалось от обитателей созвездия Дракона, пославших ЗПЛ в двадцать шестую область восьмого оборота, и это не могла проверить станция Великого Кольца, передавшая сообщение Земле!

Чеди Даан показалось, что в звездолете повеял ободряющий ветер далекой Земли. Вместо того чтобы стучаться в двери негостеприимной, возможно враждебной, планеты, они приходят зваными гостями, равные к равным. Все будет понятно тормансианам, и напрасны опасения обидеть или быть обиженными недоверием и боязнью.

Товарищи Чеди разделяли ее радость. Только в остром лице Оллы Дез промелькнуло на миг разочарование. Из неосознанного желания подражать Фай Родис Чеди Даан прежде всего посмотрела на нее, уловив брошенный Гриф Рифту взгляд веселого облегчения, почти торжества. Фай Родис слегка откинулась назад, чтобы не отворачиваться от экранов, и подала Гриф Рифту руку таким жестом, что Чеди пришла в восторг... Она еще никогда не смотрела на главу экспедиции как на женщину, особенно рядом с такими блестящими представительницами своего пола, как Олла Дез и Эвиза Танет. А сейчас в Родис будто соединились нежность матери, доброта врача и радость сознавать себя прекрасной.

Бег цифровых сигналов за стеклом приемника продолжался установленное число минут. Затем последовала вереница других знаков. Жесткий, слабо модулированный голос, каким говорили малогабаритные переводные машины на кораблях, медленно произнес: «Всем, всем, всем. Передается путевое сообщение...»

Чеди похолодела и беспомощно оглянулась. Фай Родис молниеносно нагнулась к приемнику, а Гриф Рифт сжал в кулак руку, только что державшую пальцы торжествующей Родис. «Передается путевое сообщение экспедиции с планеты, — машина будто подавилась, издав несколько невнятных звуков, и продолжала по-прежнему бодро и бесстрастно: — Мы установили ориентир галактических координат и предупреждение на необитаемом спутнике

населенной планеты. Слушайте сначала предупреждение: 02, 02, 02, 02, — слушайте предупреждение».

— О-ох! — вздохнул кто-то со всей горечью разочарования, едва машина на секунду умолкла.

«Предупреждение кислородной жизни. Не делайте посадки. Планету заселяет гуманоидная цивилизация большой плотности, ИТВ (индекс технической высоты) около 36, не входящая в ВК. На просьбу принять звездолет, посланную на их языке, ответили немедленным отказом. Они не хотят посетителей. Не делайте посадки на планету».

Машина сделала вторую паузу, а в окошке поползли значки и цифры, ненужные для заранее знавших координаты землян. Люди стояли в молчании, пока опять не повторились ноты и цифры галактических позывных.

— Все ясно! — Олла Дез выключила приемник.

— Да, — невесело сказал астронавигатор, — бомбовая станция на спутнике. Исправно работает третье столетие. Молодцы цефеяне!

— Вообще, если бы не они... — начала Олла Дез.

— Нас бы тут не было, — отозвался Соль Саин, сухо засмеявшись от пережитого напряжения.

Люди задвигались и заговорили, стараясь скрыть друг от друга свое разочарование.

— Прошу внимания, — прекратил разговоры Гриф Рифт и обратился к Фай Родис: — Каков план?

— Как прежде, без изменений, — ответила она, снова превратившись в прежнюю, спокойную и твердую Родис.

— Надо ли сначала приближаться к спутнику, — спросил Гриф Рифт, — теперь, когда сообщение цефеян подтверждает его необитаемость?

— И все же надо. Мы с нашим опытом можем увидеть то, что могли не понять и, следовательно, не заметить цефеяне. Может быть, на спутнике остались сооружения прежней цивилизации Торманса, лишь впоследствии пришедшей в упадок. На планете могла существовать еще более древняя цивилизация, вымершая или истребленная современными обитателями Торманса, если они пришельцы...

Гриф Рифт кивнул, безмолвно соглашаясь.

«Темное Пламя» медленно приближался к спутнику и, уравнив с ним свою орбитальную скорость, начал облет безжизненного шара диаметром около шестисот километров, как Мимас Сатурна. Мощные стереотелескопы ощупывали серую поверхность, местами пересеченную прямыми трещинами провалов и низких гор. Ленты отснятых фильмов прямо из аппаратов тянулись в увеличение, достаточное, чтобы разглядеть отдельные камни. Перекрестный облет не дал ни малейшего доказательства, что на спутнике когда-либо обосновывались разумные существа. Отыскали даже бомбовую станцию цефеян, уютно устроившуюся в полуцирке, врезанном в крутой обрыв пузырячатой светлой лавы. В это удобное, защищенное от метеоритов место на втором круге облета грохнулась бомбовая станция «Темного Пламени», возвестившая на языке Кольца, что ЗПЛ Земли прибыл сюда со специальной миссией и будет садиться на планету. Продолжение работы станции более пяти лет с момента сброса означает гибель звездолета, о чем планета СТ 3388 + 04ЖФ (Земля) просила сообщить по Кольцу при первой возможности.

— Не забыть бы выключить на обратном пути, — озбоченно сказал Див Симбел, — такие случаи были на радостях, когда спасались с опасных планет.

— У нашей есть предохранительное устройство, — заверил Соль Саин, — здесь дополнительный контур. Будем удаляться от Торманса и его спутника, станция будет издавать вой, пока не выключим.

— Тогда все готово! Пора идти на Торманс, — сказал, зевнув, инженер-пилот.

— Успеем отдохнуть. Фай Родис предупредила, чтобы мы подходили к планете как можно медленнее, с дневной стороны, не пользуясь локаторами и не сигнала.

— Подкрадываемся, как древние охотники к зверю, — недовольно усмехнулся Соль Саин.

— Вам не нравится? — удивился Див Симбел.

— Тут есть что-то нехорошее — скрываться, приближаться тайком!

— Фай Родис говорила о необходимости не тревожить обитателей Торманса. Если они враждебно настроены к гостям из космоса, то приход «Темного Пламени» вызовет возмущение, а нам придется один-два месяца крутиться на орбите вокруг планеты, пока мы изучим язык и ознакомимся с обычаями. Если они узнают о звездолете, летающем над их планетой, то сейчас мы даже не сможем объяснить, зачем мы здесь!

— Цефеяне же объясняли!

— Вероятно, заучив одну-две фразы. И получили отказ. А мы не должны его получить — слишком далек был путь, и Торманс — наша цель, а не мимоходом замеченная планета, — сказал Див Симбел.

— А не похоже это на нескромное подглядывание из-за угла? — не сдавался Соль Саин. — Методы, годящиеся для древних людей, а не для высшей формы общества... А вот и наш социолог! Вы какого мнения, Чеди? — Инженер-кибернетик пересказал разговор.

Та задумалась, потом решительно объявила:

— Было бы недостойно людей Земли и нашей эры, если бы явились, подсмотрели и тихо вернулись назад. Никакого вреда мы бы не причинили, но это... заглядывать в комнату человека, когда он ничего не подозревает... Мы объясним, когда спустимся на планету, и они поймут.

— А если не поймут и не примут? — упорствовал Соль Саин, насмешливо шурясь.

— Не знаю, как бы я решила. Я согласна с Родис.

— И я думаю так же, — сказал инженер-пилот. — Тем более, что вы оба упускаете из виду существенную деталь. С громадной высоты, на какой мы можем вести устойчивый орбитальный полет, мы увидим лишь самые общие детали жизни планеты. И сможем ловить только те передачи, какие предназначены для всей планеты. Иначе говоря, мы увидим и услышим только открытую обще-

ственную жизнь. Нам больше ничего и не нужно для понимания их языка и норм поведения.

— Правильно, Див! Я не сообразила этой простой вещи сразу. Что вы скажете, Соль?

Инженер-кибернетик развел руками, соглашаясь.

— И еще одно, — продолжал Див Симбел. — У них нет высоких искусственных спутников, и мы ничего не нарушим в системе их связи.

— А может быть, вообще нет спутников, ни высоких, ни низких? — спросил Соль Саин.

— Скоро увидим, — сказал Див Симбел.

ГЛАВА III НАД ТОРМАНСОМ

«Экваториальная скорость планеты гамма 1 дробь 16, период обращения 22 земных часа...» — докладывал сумматор, не по-человечески четко произнося слова. Широкая лента записей ползла в приемник путевого журнала. Автоматы «Темного Пламени» тщательно исследовали Торманс, не упуская ни одной детали.

— Удивляет количество углекислоты в нижних слоях атмосферы, — сказал Тор Лик. — А сколько еще растворено в океанах! Похоже на палеозойскую геологическую эру Земли, когда углекислота еще не была частично связана процессами углеобразования.

— Оранжевый эффект? — осведомился Соль Саин.

— Климат здесь вообще мягок и равномерен. Экватор Торманса стоит «вертикально» по сравнению с земным, то есть перпендикулярно к плоскости орбиты, а ось вращения однозначна с линией орбиты. Это могло бы дать резкую зональность, но Торманс бежит по орбите раза в четыре быстрее Земли...

— Нехватка воды может свести на нет эти преимущества, — вмешался Гриф Рифт, читавший кривые зондажа поверхности, — площадь океанов пятьдесят пять сотых,

а медианный перепад колебаний по глубине — один-два километра.

— Само по себе это еще не говорит о недостатке влаги, — сказал Тор Лик, — будем исследовать баланс испарения, насыщенности водяными парами, распределение ветровыми потоками. Больших запасов льда на полюсах при таком климате ожидать нечего — мы их и не видим. Нет и полярных фронтов и вообще сильных перемещений воздушных масс.

Люди продолжали работу у приборов, время от времени бросая взгляд в шахту визуального обзора, которую открыл для них Гэн Атал. Пронизывая толщу стен корабля и заканчиваясь широким окном из прозрачной иттриевой керамики, шахта через систему зеркал позволяла обозревать планету невооруженным глазом.

В прозрачном окне под звездолетом едва заметно двигалась планета. «Темное Пламя» вращался на высоте двадцати двух тысяч километров чуть медленнее планеты: так было удобно просматривать поверхность Торманса. Облачный покров, сначала показавшийся землянам загадочно плотным, на экваторе изобиловал большими разрывами. В них проплывали свинцовые моря, коричневые равнины вроде степей или лесов, желтые хребты и массивы разрушенных невысоких гор. Наблюдатели постепенно привыкали к виду планеты, и все больше подробностей становились понятными на снимках.

Торманс, почти одинаковый по размерам с Землей и похожий на нее во многих общих чертах планетарного порядка, резко разнился с ней в деталях своей планетографии. Моря занимали широкую область на экваторе, а материки были сдвинуты к полюсам. Разделенные меридиональными проливами, вернее, морями, материки составляли как бы два венца, каждый из четырех сегментов, расширявшихся к экватору и сужавшихся к полюсам, похожих на Южную Америку Земли. Издалека и сверху поверхность планеты производила впечатление симметричности, резко отличной от сложных очертаний морей

и суши Земли. Большие реки текли главным образом от полюсов к экватору, впадая в экваториальный океан или его заливы. Между ними виднелись обширные клинья неорошенной суши, по-видимому, пустынь.

— Что скажет планетолог, — по обыкновению сощурился Соль Саин, — диковинная планета?

— Ничего диковинного! — важно ответил Тор Лик. — Более древняя, чем наша Земля, но быстрее вращающаяся. Следовательно, полярный сдвиг материков проходил быстрее и зашел дальше, чем у нас. Симметрия, вернее, похожесть одного полушария на другое — дело случайное. Вероятно, глубины Торманса спокойнее, чем земные, — не так резки поднятия и опускания, нет или мало действующих вулканов, слабее землетрясения. Все это закономерно, удивительнее другое...

— Обогащение углекислотой при высоком содержании кислорода? — воскликнул Гриф Рифт.

— Слишком много тормансиане сожгли естественного топлива. Здесь будет нам трудно дышать и придется избегать глубоких впадин рельефа. Зато море, насыщенное углекислотой, будет прозрачным, как в древнейшие геологические эпохи Земли... наверное, с массой известкового осадка на дне. Все это не вяжется с численностью поселения, отмеченного цефеянами двести пятьдесят лет назад.

— Тут немало противоречий между планетографией и демографией, — согласился Гриф. — Может быть, не стоит стараться их разгадать, пока не спустимся на низкую орбиту. Раз нет искусственных спутников, то, кроме риска обнаружения, ничто не мешает нам облететь планету на любой высоте.

— Тем более что мы взяли уже все с первой орбиты, — горячо подхватил Тор Лик.

— Еще заняты Чеди и Фай. Нашей лингвистке удалось получить тексты достаточной длины, чтобы выяснить структуру языка методом Кам Амата. Фай Родис хочет, чтобы мы, приблизившись к планете и следя за телепередачами, уже понимали речь тормансиан.

— Разумно! Избежать неверных ассоциаций, из которых образуются стойкие клише, мешающие пониманию.

— О, вас, планетологов, неплохо подготавливают! Даже по психологии.

— Давно заметили несовершенство физикокосмологов, сосредоточившихся только на своей области. Без представления о человеке как факторе планетного масштаба случались опасные ошибки. Теперь за этим следят, — сказал Тор Лик, вставая и останавливая ленивый ход желтой ленты.

— И вместе с тем вы отлично преуспели в специальности. Едва окончив подвиги Геркулеса, вы изобрели гипсоболометр и со спутника открыли тот гигантский медно-ртутный пояс, о котором до сих пор спорят геологи, как о редчайшем исключении, — добавил Гриф Рифт.

Молодой планетолог порозовел от удовольствия и, чтобы скрыть смущение, добавил:

— А исключение это залегает на глубине двадцати километров чуть ли не подо всем Синийским щитом!..

Планетолог ждал недолго. Еще несколько дней (ночи были очень короткими на такой высоте облета), и «Темное Пламя» незаметно соскользнул на орбиту высотой менее половины диаметра Торманса и, чтобы не расходовать много энергии, увеличил относительную скорость.

Чеди и Фай Родис завесили круглый зал гипнотаблицами языка Торманса. Каждый член экипажа, закончивший непосредственную работу, приходил сюда и погружался в созерцание схем, одновременно прослушивая и подсознательно запоминая звучание и смысл слов чужого языка. Не совсем чужого — семантика и альдеология его очень походили на древние языки Земли с удивительной смесью слов Восточной Азии и распространенного в конце ЭРМ английского языка. Подобно земному, язык Торманса был всепланетным, но с какими-то остаточными диалектами в разных полушариях планеты, для которых пришлось придумывать условные названия, аналогичные земным. Полушарие, обращенное вперед по бегу Торманса на орбите, назвали Северным, а заднее — Южным. Как

выяснилось позднее, астрономы Торманса называли их соответственно полусариями головным и хвостовым — Жизни и Смерти.

Всеобщность языка облегчала задачу исследователей, но изменение высоты звука и носовое, то растянутое, то убыстряющееся произношение оказались много труднее земного, с его четким и чистым выговором.

— Зачем это? — негодовал Гриф Рифт, самый отстающий из всех учеников Чеди. — Разве нельзя выразить оттенок мысли лишним словом вместо завывания, вопля или мяуканья? Не возвращение ли это к предкам из числа скакавших по ветвям?

— Для иных проще одно и то же слово произнести по-разному, меняя смысл, — возразила Тивиса, виртуозно «мяукавшая», по выражению командира.

— А для меня проще запомнить десять слов, чем взвять в середине или в конце уже известного, — недовольно хмурился Гриф. — Не все ли равно, сто или сто пятьдесят тысяч слов?

— Не все равно, если орфография так сильно не совпадает с произношением, как у тормансиан, — авторитетно заявила Чеди.

— Как могло получиться столь нелепое расхождение?

— Из-за недальновидного консерватизма. Оно наблюдалось и у нас во времена до мирового языка и до рационализации разноречья, которую заставило произвести появление переводных машин. С ускорением развития общества язык стал меняться и обогащаться, а правописание оставалось на прежнем уровне. Даже хуже: упорно упрощали орфографию, облегчая язык для ленивых или тупых людей, в то время как общественное развитие требовало все большего усложнения.

— И в результате язык утрачивал свое фонетическое богатство?

— Неизбежно. По существу, процесс был сложнее. Например, у каждого народа Земли с подъемом культуры шло обогащение бытового языка, выражавшего чувства,

описывающего видимый мир и внутренние переживания. Затем, по мере разделения труда, появился технический, профессиональный язык. С развитием техники он становился все богаче, пока число слов в нем не превысило общеэмоциональный язык, а тот, наоборот, беднел. И я подозреваю, что общеэмоциональный язык Торманса так же беден, как наш в конце ЭРМ, и даже еще беднее.

— Означает ли это перевес профессиональной жизни над досугом?

— Вне всякого сомнения. У каждого человека времени на занятия самообразованием, искусством, спортом, даже просто для общения друг с другом было мало. Много меньше, чем на его обязанности перед обществом и необходимые для жизни дела. Может быть и другое — неумение использовать свой досуг для самообразования и совершенствования. То и другое — признаки плохой организации и низкого уровня общественного сознания. Фай Родис говорит, что в прочитанных нами текстах радиопередач Торманса так же мало смысла, как бывало у нас в древние исторические периоды ЭРМ, когда отпечатанные на листках плохой бумаги ежедневные бюллетени новостей, теле- и радиопередач несли не больше трех — пяти процентов полезной информации. Кроме того, Родис подозревает по наличию большого количества семантических стереотипов, что письменность планеты почему-то на низком уровне развития. Но мы еще не видели ее, расшифровав язык по записям памятных машин.

— Еще учить и письменность? — шутивно вздохнул Вир Норин. — Сколько же нам придется крутиться над Тормансом?

— Не так уж много, — утешила его Чеди, — теперь дело пойдет интереснее. Сегодня Олла Дез начала перехват телепередач, и, наверное, не позднее чем завтра мы увидим жизнь Торманса.

Они увидели. Телевидение Торманса не достигло тончайшей эйдопластической техники Земли, но передачи оказались четкими, с хорошей цветовой гаммой.

Экипаж «Темного Пламени», за исключением дежурных, рассаживался перед громадным стереозэкраном, часами наблюдая чужую жизнь. Люди Торманса были так похожи на землян, что более ни у кого не оставалось сомнения в правоте догадки историков о судьбе трех звездолетов ЭМВ. Странное ощущение овладевало землянами. Будто бы они смотрели на свои же массовые представления, разыгрываемые на исторические темы. Они видели гигантские города, редко разбросанные по планете, точно воронки, всосавшие в себя основную массу населения. Внутри них люди Торманса жили в тесноте многоэтажных зданий, под которыми в лабиринтах подземелий происходила повседневная техническая работа. Каждый город, окаймленный поясом чахлах рощ, рассекал их широкими дорогами, точно щупальцами, протянувшимися в обширные поля, засаженные какими-то растениями, похожими на соевые бобы и картофель Земли, культивировавшиеся в огромном количестве. Самые крупные города находились вблизи берегов экваториального океана, на тех участках дельт рек, где каменистая почва давала опору большим зданиям. Вдали от рек и возделанных полей колоссальные площади суши были заняты сухими степями с редкой травянистой растительностью и бесконечно однообразными зарослями кустарников.

В поясах возделанной земли поражало отсутствие постоянных поселков. Какие-то унылые постройки, длинные и низкие, утомляли глаз повторением однообразия повсюду, и в головном, и в хвостовом полушариях, около больших городов и меньших концентраций населения. Тяжелые машины двигались в пыли, обрабатывая почву или собирая урожай, не менее тяжелые повозки с грохотом неслись по гладким и широким дорогам.

Земные наблюдатели не могли понять, почему так шумят эти огромные машины, пока не сообразили, что чудовищный грохот происходит просто из-за плохой конструкции двигателей, небрежной пригонки частей.

Час за часом, не смея нарушить молчание, чтобы не помешать товарищам, обитатели Земли смотрели на

жизнь далекой планеты, оглушенные массой первых впечатлений. Время от времени те или иные члены экипажа «Темного Пламени» вставали и удалялись в ту часть круглого зала, за легкой перегородкой, куда на длинный стол подвели подачу пищи. Там, обмениваясь впечатлениями, люди ели и снова возвращались к экранам, боясь упустить хотя бы час из времени телепередач Торманса. Собственно, не Торманса, а планеты Ян-Ях, как она называлась на тормансианском языке. Однако название Торманс так прочно вошло в сознание членов экспедиции за все те месяцы, когда оно было главным ориентиром их раздумий, что земляне продолжали пользоваться им.

Узнали и главный город планеты, чье название в переводе на язык Земли означало Средоточие Мудрости.

И прежде всего подтвердилась догадка Фай Родис, что письменность Торманса представляла собою систему сложных знаков — идеограмм, на овладение которыми даже острым умам землян понадобилось бы много времени. К счастью, существовал упрощенный набор письменных знаков, каким обходились в повседневной жизни и в облегченном языке печатных новостей. Новые таблицы украсили стены зала на «Темном Пламени». Украсили, потому что начертание знаков соответствовало эстетическому чувству экипажа звездолета. Их сложные переплетения казались изящными абстрактными рисунками. Тексты писались или черным на ярко-желтой бумаге, или же интенсивной темно-зеленой краской на бледно-голубом фоне.

— Как красиво в сравнении с убогой простотой нашего линейного алфавита! — восхищалась Олла Дез. — Может быть, по возвращении следует представить алфавит Торманса в СВУ — Совет Всеобщих Усовершенствований?

— Не думаю, — возразила Фай Родис, — алфавитами этого вида уже пользовались на Земле, и по многу веков. Консерваторы всех времен и народов отстаивали их преимущество перед чисто фонетическими, подобными тем, какие дали начало нашему линейному письму. Они

доказывали, что, будучи идеограммами, эти знаки читаются в едином смысле народами, говорящими на разных языках...

— И буквы становятся не только абстрактными знаками, но и символами конкретного смысла, — подхватила Олла Дез. — Вот почему их такое огромное количество!

— И слишком мало для всего объема расширяющейся экспоненциально человеческой мысли, — добавила Чеди Даан.

— Вы верно подметили главное противоречие, — подтвердила Фай Родис, — ничто не дается даром, и преимущества идеографического письма становятся ничтожными с развитием культуры и науки. Зато стократно усиливается его недостаток — смысловая окаменелость, способствующая отставанию мышления, замедлению его развития. Сложное красивое письмо, выражающее тысячи оттенков мысли там, где их нужны миллионы, становится архаизмом, подобием пиктограмм людей каменного века, откуда оно, несомненно, и произошло.

— Я давно сдалась, Фай! — рассмеялась Олла Дез. — В СВУ меня бы объявили сторонницей пещерного мышления. Благодарю за спасение от позора.

— Вряд ли СВУ расправился бы так беспощадно с вами, — в тон ей ответила Фай Родис. — В этом Совете большинство мужчины, и притом скептики. Сочетание, не стойкое перед персонами нашего пола, особенно с вашими данными.

— Вы шутите, — серьезно сказала Чеди, — а мне кажется трагичным столь долгое существование идеограмм на Тормансе. Это неизбежная отсталость мышления...

— Вернее, замедленность прогресса и архаика форм, — поправила ее Родис, — отсталость подразумевает сравнение. С кем? Если с нами, то на каком историческом уровне? Наш современный гораздо выше. Сколько позади осталось веков хорошей, разумной и дружной жизни, жадного познания мира, счастья обогащения красотой и радостью. Кто из нас отказался бы жить в те времена?

— Я, — откликнулся Вир Норин. — Они, наши предки, знали так мало. Я не мог бы...

— И я тоже, — согласилась Фай Родис, — но безграничный океан познания так же простирается перед нами, как и перед ними. Эмоциональной разницы нет. А личное достоинство, мечты и любовь, дружба и понимание — все, что выращивает и воспитывает нас? В этом мы одинаковы. Почему же отказывать Тормансу в похожей ступени? Только из-за отсталой письменности? Тем более главное доказательство тормансианства, очевидно, отпадает. Наши демограммы не подтверждают колоссальной численности населения, подсчитанного цефеянами. Расходимся на целый порядок.

— Невероятно! — покачал головой Гриф Рифт. — В остальном цефеяне показали себя хорошими планетографами. Ошибка это или...

— Резкое падение численности, — докончила Фай Родис. — Может быть. Но тогда это катастрофа, а мы не заметили ничего особенного.

— Не обязательно катастрофа, — возразила Тивиса Хенако. — Со времени посещения цефеев прошло более двухсот пятидесяти лет. Возьмем среднюю продолжительность жизни, характерную для начала ЭМВ, — семьдесят лет. За период, равный четверной продолжительности жизни, население Торманса могло уменьшиться еще значительнее или, наоборот, возрасти по причинам чисто внутренним.

— Внутренние причины, мне думается, самый худший вид катастрофы, — сказала Чеди. — Не нравится мне пока планета Ян-Ях в своих телепередачах!

Как бы оправдывая слова Чеди, из глубины стереоэкрана послышалась мелодичная музыка, лишь изредка прерываемая диссонансными ударами и воплями. Перед землянами появилась площадь на холме, покрытая чем-то вроде бурого стекла. Стеклянная дорожка направлялась через площадь к лестнице из того же материала. Уступ, украшенный высокими вазами и массивными столбами

из серого камня, всего через несколько ступеней достиг стеклянного здания, сверкавшего в красном солнце. Легкий фронтон поддерживался низкими колоннами с причудливой вязью пилястров из ярко-желтого металла. Легкий дымок курился из двух черных чаш перед входом.

По стеклянной дороге двигалось сборище молодых людей, размахивая короткими палочками и ударяя ими в звенящие и гудящие диски. Некоторые несли на перекинутых через плечо ремнях маленькие красные с золотом коробочки, настроенные на одну и ту же музыку, которую земляне причислили бы к зелено-голубому спектру. До сих пор вся слышанная ими музыка Торманса принадлежала лишь к красному или желтому вееру тональностей и мелодий.

Камера телеприемника приблизилась к идущим, выделив среди толпы две четы, оглядывавшиеся на спутников и дальше на город со странным смещением тревоги и удалства. Все четверо были одеты в одинаковые ярко-желтые накидки, расцвеченные извивами черных змей с зияющими пастьми.

Каждый из мужчин подал руку своей спутнице. Продолжая двигаться боком к лестнице, они вдруг запели, вернее — пронзительно заголосили. Вызывающий напев подхватили все сопровождавшие.

Чеди Даан, Фай Родис и Тивиса Хенако, лучше всех овладевшие языком Торманса, стали напряженно вслушиваться. Щелкнул специальный фильтр звукозаписи, модулирующий учащенную неразборчивую речь.

— Они воспевают раннюю смерть, считая ее главной обязанностью человека по отношению к обществу! — воскликнула Тивиса Хенако.

Фай Родис молчала, наклонившись к экрану, как делала всегда, пораженная чем-либо увиденным. Чеди Даан закрыла ладонями лицо, повторяя наспех переведенный напев, мелодия которого сперва понравилась землянам.

«Высшая мудрость — уйти в смерть полным здоровья и сил, избегнув печалей старости и неизбежных страданий опыта жизни...

Так уходят в теплую ночь после вечернего собрания друзей...

Так уходят в свежее утро после ночи с любимыми, тихо закрыв дверь цветущего сада жизни.

А могучие мужчины — опора и охрана — идут, захлопывая ворота. Последний удар разносится во мраке подземелий времен, равно скрывающих грядущее и ушедшее...»

Чеди оборвала перевод и, удивленно взглянув на Фай Родис, добавила:

— Они поют, что долг смерти приходит на сто первом году их жизни. Или по их второму календарю Белых Звезд, который не отличается от нашего, после двадцати пяти лет. Этих четырех провожают в Храм Нежной Смерти!

— Как может существовать такое общество? — забыв приличия, негодуяще вскричала Олла Дез. — Чем выше социальная структура и наука, тем позднее созревает человек.

— Потому-то мы, биологи, прежде всего еще с древности ЭРМ поставили целью продление жизни, вернее, молодости, — сказала Нея Холли, не отрывая взгляда от поднимавшейся по ступеням процессии тормансиан.

— У нас человек из-за сложности жизни и огромного объема информации считается ребенком до подвигов Геркулеса. Еще двадцать лет продолжается юность, зрелость наступает лишь к сорока годам. Затем перед нами семьдесят лет, а то и целый век зрелости, полной энергии, могучего труда и познания жизни. Вместо десяти — двадцати лет, как в древности. Раньше человек считался старым к сорока годам. Я была бы старухой, — сказала Фай Родис.

— И человек умирал, так и не узнав ничего о многообразии и красоте мира! — возмущенно отозвался Вир Норин. — Но в такой древности, когда девяносто процентов людей не умели даже читать, это не удивительно. Долгая жизнь была обременительна, просто не нужна. Умиравших в молодости называли любимцами богов. Но на Тормансе довольно высокая техническая цивилизация.

Как же могут они срубить деревья, еще не давшие плодов? Это безумие и гибель!

— Вир, вы забыли, что перед нами не коммунистическое и даже не социалистическое общество, а классовая социальная структура. По-моему, чудовищный обычай ранней смерти имеет прямое отношение к перенаселенности и истощению ресурсов планеты,— возразила Родис.

— Понимаю, — сказала Чеди, — ранняя смерть не для всех!

— Да. Те, кто ведет технический прогресс, должен жить дольше, не говоря уже о правящей верхушке. Умирают не могущие дать обществу ничего, кроме своей жизни и несложного физического труда, то есть не способные к высокому уровню образования. Во всяком случае, на Тормансе два класса: образованные и необразованные, над которыми стоят правители, а где-то между ними люди искусства — развлекающие, украшающие и оправдывающие.

— Они тоже не умирают в двадцать пять лет! — воскликнула Олла Дез.

— Естественно. Но, пожалуй, для артистов, там, где требуется молодость и красота, предел жизни немногим больше, — ответила Фай Родис.

А в ТВФ звездолета загремела резкая, дико ритмическая музыка, сменявшаяся напевами марша, то есть согласованного ритмического хода множества людей. Взвизгивающие звуки неведомых инструментов перебивали едва уловимую нить скачущей и суетливой мелодии. Начинаясь фильм.

По просторам высокотравных степей тянулись неуклюжие повозки, запряженные рогатыми четвероногими, похожими на земных жвачных, не то антилоп, не то быков. Верхом на более длинноногих, напоминавших оленей животных скакали дочерна загорелые тормансиане, размахивая топорами или механизмами, аналогичными огнестрельному оружию древности Земли. Всадники неустрашимо отбивались от стай ползучих коротколапых хищников, скопищ ужасных змей с высокими, сдавленными